ОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

ѣ обрѣтешь ты право свое.

Гарденинъ

...ЙНА И „ТРЕТЬЯ СИЛА“

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

Проведено 193[illegible] г.

ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „ЖИЗНЬ“

Инв. № 250

№ 250

Междун. Аграрного Ин-та

35
Г-478

GENÈVE
...E E. CHAULMONTET
Rue des Rois
1915

1шк
ПС-Ф
Г

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ВЕЛИКІЙ РАСКОЛЪ

По вопросу объ отношеніи къ войнѣ раскололись едва ли не всѣ соціалистическія партіи. Расколъ почти не коснулся лишь Бельгіи—по понятной причинѣ: ему трудно обнаружиться въ странѣ, цѣликомъ захваченной и переполненной вооруженнымъ непріятелемъ. Расколъ очень недавно и пока еще слабо коснулся Франціи—ибо ей угрожала въ извѣстной мѣрѣ сходная участь. Гдѣ первый же натискъ войны угрожаетъ самому національному существованію, тамъ смолкаютъ всѣ распри. Во время наводненія или лѣсного пожара вмѣстѣ взбираются на недоступныя мѣста или рядомъ бѣгутъ волкъ и ягненокъ, пантера и ланъ. Череда этихъ странъ еще не насталъ.

Во всѣхъ остальныхъ странахъ — воюющихъ, но не подвергающихся непосредственно смертельной опасности, и нейтральныхъ, но втягиваемыхъ событіями въ кровавый водоворотъ — соціализмъ раскалывается. Противъ Шейдемана, Зюдекума. Давида и др. въ Германіи встаютъ Либкнехтъ и Мерингъ съ товарищами; противъ Виктора Адлера и Пернерсторфера въ Австріи понемного выясняется оппозиція — хотя пока еще робкая — Макса Адлера, А. Брауна и др.; противъ Муссолини и Биссолати въ Италіи борятся Серрати, Лаццари, партійные и профессіональные центры; противъ Плеханова въ русской соціальдемократіи борятся Ленинъ, Троцкій и Мартовъ; въ П. С.-Р. противъ насъ выступили за „пріятіе войны“ бывшіе „починовцы“; противъ Жуо во французскомъ синдикализмѣ выступили Мерреймъ, Бурдеронъ, Монаттъ и т. д. Подводя всему этому итоги, мы видимъ, что во всемъ международномъ соціализмѣ наблюдается процессъ дифференцированія на „правыхъ“ и „лѣвыхъ“.

На какихъ основныхъ вопросахъ происходитъ это дѣленіе? Ихъ два. Это, во-первыхъ, отношеніе къ попыткамъ идеализировать настоящую войну; это, во-вторыхъ, отношеніе къ лозунгу прекращенія партійной борьбы и водворенія „гражданскаго мира“. То и другое — не

правда ли? — въ сущности вѣдь лишь двѣ стороны одного и того же явленія...

Одна часть соціалистовъ уже готова ждать отъ этой войны разрѣшенія въ своемъ духѣ цѣлаго ряда тѣхъ самыхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ до войны считали возможнымъ ожидать лишь отъ внутреннихъ побѣдъ во всѣхъ странахъ силъ соціализма и демократіи надъ силами реакціи и плутократіи.

Перенести тяжесть разрѣшенія этихъ задачъ со своихъ плечъ на плечи всего національнаго цѣлаго... Какимъ образомъ была возможна такая чудовищная политическая аберрація?

Разгадка проста. Непонятное логически естественно психологически. Психика современнаго европейца, поистинѣ, лишь съ трудомъ мирится съ ужасами современной войны. Для того, чтобы идти на нее безъ отвращенія, онъ долженъ создать себѣ утѣшеніе. Иначе бремя кроваваго служенія на фронтѣ дѣлается невыносимымъ. И вотъ, на помощь является благодатный миражъ. Эта война—необыкновенная война. Это—война за миръ, война противъ воинственности, воплощенной въ непріятелѣ, и потому, въ случаѣ успѣха, это послѣдняя война. А поэтому она вмѣстѣ съ тѣмъ есть война за культуру, за право, за свободу народовъ, крестовый походъ противъ варварства, произвола и милитаризма. И въ такой идеализаціи войны нуждается каждая изъ воюющихъ сторонъ. Только такая идеализація даетъ силу для борьбы. И вотъ почему нѣмцы распространяются на эту тему не менѣе охотно и краснорѣчиво, хотя и съ еще меньшимъ правомъ, чѣмъ союзники.

Реакціонныя партіи всѣхъ странъ не спѣшатъ бороться противъ этихъ народныхъ иллюзій. До поры, до времени, онѣ готовы даже имъ поддакивать. И тѣ самые люди, которые охотно думаютъ, что войны вѣчны, и что доведенная до высочайшей степени военная готовность послѣ заключенія мира будетъ такой же необходимостью, какъ и до войны, — охотно до поры, до времени, держатъ это убѣжденіе про себя.

Народъ жаждетъ, чтобы эта ужасная война — если ужъ ея не удалось избѣгнуть—была по крайней мѣрѣ послѣдней войной. Эта жажда — здоровая жажда, и могла бы превратиться въ огромную преобразующую силу

внутри страны. Но чтобы ее обезвредить, консервативныя силы дѣлаютъ видъ, что это обращенное къ будущему желаніе есть уже осуществленная дѣйствительность. Будто вѣчный (или, осторожнѣе выражаясь, *длительный*) миръ, разоруженіе, похороны милитаризма, имперіализма и деспотизма, будто свобода народовъ и защита права и культуры отъ произвола и варварства — суть величины, „вынесенныя за скобки“, общія всѣмъ партіямъ; будто это—лозунги, лежащіе въ основѣ „гражданскаго мира“; будто это — непосредственная цѣль войны для одного опредѣленнаго (каждый думаетъ при этомъ о своемъ) воюющаго лагеря.

Тѣ самые люди, которые еще вчера смѣялись надъ идеей уничтоженія войнъ путемъ созданія прочнаго международнаго „правового порядка“, какъ надъ сантиментальной и безпочвенной, никогда не осуществимой пацифистской мечтой; тѣ самые люди, которые считали разоруженіе — нелѣпостью, которые возносили до небесъ военную профессію, вѣрили въ морализирующее значеніе и этой профессіи, и самой войны; тѣ самые элементы, которые не разъ требовали нарушенія и нарушали право *чужой* національности — вдругъ оказались будто бы безкорыстными служителями мира, свободы и культуры! Какимъ образомъ? Очень простымъ. Они и въ самомъ дѣлѣ за разоруженіе, за насильственное разоруженіе побѣжденнаго непріятеля, прибавляя, что оно и побѣдителя лишитъ необходимости много думать о своемъ вооруженіи; они и въ самомъ дѣлѣ за освобожденіе народовъ — подпавшихъ исторически подъ верховную власть націй противоположнаго лагеря; иначе говоря, они изъявляютъ большую готовность „освободительствовать“ за чужой счетъ, скромно умалчивая о своихъ собственныхъ „подвластныхъ“ народностяхъ...

Ослѣпленная патріотическою страстью часть соціалистовъ доходитъ до такой наивности, что эту фальшивую поддѣлку подъ „идеальныя задачи“ войны принимаетъ за чистую монету. И вотъ, задачи, которыя искренно можетъ ставить себѣ лишь соціализмъ, и въ разрѣшеніи которыхъ онъ не можетъ не сталкиваться враждебно съ цѣлымъ рядомъ элементовъ въ своей собственной странѣ — вдругъ какимъ то чудеснымъ путемъ оказываются возведенными въ рангъ общенаціональныхъ задачъ въ этой войнѣ!

„Чудеснымъ образомъ“, — сказали мы. Но именно здѣсь было бы болѣе, чѣмъ гдѣ либо, примѣнимо выраженіе фокусниковъ, откровенничающихъ послѣ сеанса: „Здѣсь нѣтъ никакого чуда, а одна ловкость рукъ“. Ловкость рукъ — реакціонныхъ и консервативныхъ дѣльцовъ, поддерживающихъ выгодный для нихъ миражъ; и простота одураченныхъ, наивно вѣрящихъ, будто д ѣ й с т в и т е л ь н о ю ц ѣ л ь ю войны является смутная, неопредѣленная, чисто субъективная жажда, чтобы моря пролитой на поляхъ сраженій крови были искуплены чѣмъ нибудь такимъ яркимъ и свѣтлымъ, безъ чего война осталась бы совершенно безсмысленной и отвратительной бойней.

Возведя предметъ субъективныхъ воздыханій страдающихъ отъ войны массъ въ якобы сознательную цѣль, поставленную войнѣ тѣми, кто ее фактически ведетъ — существующей властью; возведя его въ якобы обезпеченный результатъ побѣдоноснаго хода войны, — люди неизбѣжно приходятъ къ проповѣди гражданскаго мира и частичной самоликвидаціи соціализма. Да и какъ же было бы иначе? Если з а насъ и в м ѣ с т о нашей борьбы внутри страны цѣлый рядъ нашихъ задачъ разрѣшитъ в н ѣ ш н я я война — вопросъ предрѣшенъ. Слѣдуетъ просто припрятаться къ бранной колесницѣ одной изъ воюющихъ сторонъ, слѣдуетъ въ эту сторону направить свои силы; не слѣдуетъ раздваиваться, не слѣдуетъ въ тылу в н ѣ ш н я г о фронта войны сохранять проведенную ранѣе внутри страны другую линію фронта, — фронта борьбы партійно-политической.

У однихъ изъ соціалистовъ идеализація борьбы и стремленіе къ гражданскому миру выражено грубо, наивно, цѣльно и рѣзко, у другихъ—половинчато, уклончиво и осторожно. Но это — лишь разные оттѣнки одного и того же п р а в а г о теченія въ соціализмѣ, жертвующаго послѣдовательностью интернаціонализма своимъ проснувшимся національнистическимъ тяготѣніямъ. И трудно сказать, что въ этомъ правомъ лагерѣ вреднѣе: откровенный ли соціалъ-патріотизмъ, смѣло заявляющій, чего онъ хочетъ, или боязливый, лавирующій, изыскивающій внѣшне-безобидныя формы выраженія...

Одно вѣрно. Л ѣ в о е теченіе въ соціализмѣ обязано неуклонно выявить свою безпощадную оппозицію в с я к о й

идеализаціи войны и всякой ликвидаціи — въ виду войны — основной внутренней работы соціализма!

Лѣвое теченіе соціализма, вопреки войнѣ, не должно выпускась изъ своихъ рукъ знамени революціи, — напротивъ, въ результатахъ и послѣдствіяхъ войны оно должно найти для революціи настоящую, вѣрную точку опоры!

ДВА ТЕЧЕНІЯ

Война разразилась. Помѣшать ея возникновенію не успѣли. Что дѣлать? Хочешь — не хочешь, а остается „пріятіе войны“ — говорятъ намъ. Приходится воевать...

Да, конечно, „приходится“ воевать. Крестьянъ, пролетаріевъ, соціалистовъ и не-соціалистовъ, подлежащихъ призыву, шлютъ на фронтъ. Если война не является съ чьей либо одной стороны — сплошь возмутительнымъ насиліемъ, а съ другой — только законной самообороной; если и съ той, и съ другой изъ воюющихъ сторонъ дають себя чувствовать — хотя бы и не въ одинаковой мѣрѣ — элементы династическихъ, имперіалистическихъ, великодержавныхъ попользованій, чуждыхъ соціализму (а въ какихъ же нынѣшнихъ войнахъ ихъ нѣтъ?) — то положеніе пролетаріата двухъ столкнувшихся странъ достаточно трагично. Не идти на войну? Дезертировать? Прибѣгать къ саботажу войны? Но вѣдь это означаетъ работать „pour le roi de Prusse“. Но какая же въ этомъ можетъ заключаться „лѣвизна“ по сравненію даже съ простымъ шествіемъ подъ своими національными знаменами?

Нѣтъ, не въ разномъ отношеніи къ дезертирству и саботажу — водораздѣлъ между „правыми“ и „лѣвыми“ въ тотъ моментъ, когда все еще „приходится воевать“, когда не накопилось достаточно силъ, чтобы сломить эту тяжкую „необходимость“ дружнымъ выступленіемъ трудовой демократіи рядомъ по обѣ стороны линіи огня и колючихъ проволочныхъ загражденій...

Въ чемъ же?

А въ томъ, что одни — лѣвые — могутъ временно „принять фактъ войны“, какъ неизбывное зло, но никогда не превратятъ этого фактическаго пріятія въ

моральное, никогда не станутъ это „зло“ объявлять „положительною цѣностью“, превращать въ „добро“. Если война — зло, то тотъ, другой или третій исходъ борьбы (побѣда одной стороны, побѣда другой стороны, нерѣшительный исходъ борьбы) можетъ являться лишь сравнительно меньшимъ зломъ. Но не все ли равно—скажутъ намъ — вѣдь меньшее зло слѣдуетъ предпочесть большему, ибо меньшее зло и есть относительное „добро“! Нѣтъ, не все равно, ибо зло — хотя бы и меньшее сравнительно съ другимъ возможнымъ зломъ — встрѣчаютъ именно какъ зло, а не какъ добро — готовя противъ его отрицательныхъ сторонъ лѣкарства и противоядія; добру же просто отворяютъ настежъ двери.

Если вы по тяжелой, неизбывной необходимости приняли жестокій фактъ войны — вы уже отдали ей по силѣ воинской повинности свою законную долю дани. „Что сверхъ того, то отъ лукаваго“. Всѣ тѣ силы, которыми вы можете свободно располагать, вы затрачиваете на другое. На продолженіе той работы — созданія организованной внутренней силы — которую вели до войны, и которая во всѣхъ трехъ случаяхъ исхода — побѣды, пораженія, нерѣшительнаго результата войны — постарается парализовать его неблагопріятныя послѣдствія и наоборотъ — использовать всѣ сколько нибудь положительныя возможности; силы, которая будетъ стремиться ускорить самую ликвидацію войны и наступленіе мира.

Другіе — правые — провозглашаютъ особый лозунгъ „пріятія войны“. Извѣстный исходъ, побѣда, является съ ихъ точки зрѣнія „благомъ“. Ожидаемые результаты побѣды въ ихъ глазахъ составляютъ „положительную историческую миссію данной войны“. Отсюда прямой выводъ — такъ или иначе припрягаться къ бранной колесницѣ своего правительства. Отсюда лозунги — „широкаго участія въ организаціи національной обороны“, „возможно болѣе широкаго участія въ войнѣ“, „старанія придать ей возможно болѣе національный или народный характеръ“. Отсюда — положительное отношеніе къ лозунгу волонтерства. Тѣ силы, которыми соціализмъ свободно располагаетъ — добровольно идутъ туда же, куда гонитъ другихъ государственная повинность.

* * *

Добру — возможно широко отворяютъ настежъ двери; противъ зла, хотя бы и меньшаго, — принимаютъ предосторожности.

Правые соціалисты, исповѣдующіе „пріятіе войны“, поэтому со своей точки зрѣнія совершенно логичны, когда настаиваютъ на войнѣ „jusqu'au bout“, вплоть до „рѣшительной побѣды“, до „полнаго разгрома“ враждебной стороны, — и чѣмъ полнѣе, тѣмъ лучше, ибо невѣста не можетъ быть слишкомъ красива.

Лѣвые соціалисты со своей точки зрѣнія столь же логичны, когда въ слишкомъ рѣшительной побѣдѣ одной страны надъ другой усматриваютъ своеобразную опасность, чрезмѣрное искушеніе для побѣдителя.

Правые охотно становятся на точку зрѣнія вмѣненія и наказанія зачинщиковъ войны, въ лицѣ извѣстной страны, какъ цѣлаго, и принимая, что народъ не можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности за дѣйствія того правительства, за которымъ онъ покорно слѣдовалъ.

Лѣвые отвергаютъ эту точку зрѣнія и требуютъ мира безъ контрибуцій, безъ репрессій, безъ униженія побѣжденной стороны, безъ „круговой поруки“ и отвѣтственности всѣхъ за вины нѣкоторыхъ.

Правые соціалисты со своей точки зрѣнія совершенно логично стараются расширять, елико возможно, фронтъ войны, втягивая въ него все новыя и новыя страны, побуждая нейтральныя государства выйти изъ своего нейтралитета и вмѣшаться въ общій кровавый хороводъ.

Лѣвые соціалисты со своей точки зрѣнія столь же правы, когда въ этой универсализаціи войны видятъ колоссальную опасность все новыхъ и новыхъ осложненій, роста сталкивающихся аппетитовъ и притязаній, эпидеміи культа грубой силы, дегенераціи всемірной культуры.

Правые соціалисты не случайно склоняются психологически все больше и больше къ культу военнаго героизма, культу арміи, культу военнаго сословія.

Лѣвые соціалисты не случайно видятъ въ этомъ скользкую наклонную, плоскость ведущую къ „милитаризаціи психологіи“ и угрожающую самому духу современной гражданственности.

* * *

Для правыхъ соціалистовъ даже дѣятельность во время войны внутри страны пріобрѣтаетъ специфически-воинственную окраску. Это для нихъ—„организація тыла“. Какъ будто лѣченіе раненыхъ есть не добро само по себѣ, а, главнымъ образомъ, средство скорѣе доставить фронту изъ вылѣченныхъ новое „пушечное мясо“. Какъ будто залѣчиваніе ранъ, нанесенныхъ войной народно-хозяйственному организму, опять таки не само по себѣ цѣнно, а потому, что дѣлаетъ страну способной „дольше держаться“ въ затяжной войнѣ, гдѣ одна сторона хочетъ взять другую измором. Какъ будто называть чуть ли не всю страну страннымъ именемъ „тыла арміи“, какъ будто приравнивать весь остальной народъ къ одной „тыльной части“ войска не значитъ ставить все вверхъ ногами, на подобіе остряка, который глубокомысленно доказывалъ, что не хвостъ привѣшенъ къ собакѣ, а собака къ хвосту!

Лѣвые соціалисты ведутъ работу по залѣчиванію ранъ, наносимыхъ войною и людямъ, и народному хозяйству, разсматривая эту работу, какъ противодѣйствіе бѣдственнымъ результатамъ войны, пользуясь ими, какъ иллюстраціями для отрезвляющаго вліянія на умы, подготовляясь практически къ будущей работѣ по возсозданію разрушенной войною культуры, и стремясь организоваться на этой работѣ, — т. е. не разсѣиваться, не растворяться въ разнопестрой массѣ обслуживающихъ „тылъ арміи“, а наоборотъ, оставаться единымъ цѣлымъ, проводящимъ одну линію поведенія.

У правыхъ точка зрѣнія „пріятія войны“ ведетъ естественно къ тому, что интересы войны становятся въ центрѣ, къ нимъ относится все и вся, ими, какъ мѣриломъ, все расцѣнивается. Интересы войны становятся и законодателями въ партійной тактикѣ. Имъ подчиняется выборъ средствъ и путей дѣятельности. Они становятся какъ бы центральнымъ свѣтиломъ, вокругъ котораго по орбитамъ движутся, сообразуясь съ движеніемъ главнаго свѣтила, разныя соціально-политическія цѣнности, въ качествѣ зависимыхъ „спутниковъ“.

Лѣвые могутъ учитывать вліяніе своей тактики на ходъ военныхъ событій, лишь какъ на одно изъ привхо-

дящихъ условій, отказываясь всецѣло подчинить политику военной стратегіи и помня, что принесеніе первой въ жертву второй означало бы капитуляцію общечеловѣческихъ интересовъ передъ узко-національными.

* * *

Правые во имя „опредѣленности позиціи" требуютъ, чтобы въ войнѣ каждый взялъ сторону какой либо одной изъ борющихся сторонъ и помогалъ ея побѣдѣ, ибо она принесетъ наиболѣе благопріятныя для прогресса человѣчества условія мира.

Лѣвые вѣрятъ въ дѣйствительно благопріятныя условія мира лишь въ томъ случаѣ, если, подъ вліяніемъ горькаго, тяжелаго и отрезвляющаго опыта войны, по обѣ стороны отъ военнаго фронта вырастутъ общественныя и народныя силы, которыя, взаимно другъ друга пополняя и подкрѣпляя, сумѣютъ обуздать внутри страны націоналистическую и шовинистическую реакцію.

Правые требуютъ во время войны величайшей сдержанности даже въ частичныхъ проявленіяхъ внутренняго антагонизма. Лѣвые — особенно въ томъ случаѣ, когда по другую сторону отъ фронта также ростетъ и крѣпнетъ дѣйственная оппозиція войнѣ — готовы на самыя активныя выступленія не только по заключеніи мира, но, если народное настроеніе достаточно быстро наростаетъ, еще во время войны, для сверженія исторически обанкротившагося правительства или обузданія его опасныхъ авантюръ.

Правые приглашаютъ къ мудрому выжиданію и воздержанію, или даже къ частичному разоруженію. Лѣвые — къ боевой готовности для дѣйственнаго вмѣшательства въ событія, какъ только накопится достаточно силъ и сложатся благопріятныя для него условія.

Таковы эти двѣ противоположныхъ линіи поведенія. Мы намѣренно брали ихъ въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ. Переходныя, эклектическія формы насъ не интересуютъ. Онѣ — законный удѣлъ неувѣренныхъ въ себѣ умственныхъ трусовъ...

ВОЙНА И КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ

— Повѣрьте, Сергѣй Юльевичъ, маленькая побѣдоносная война, какъ ничто другое, поможетъ намъ выйти изъ всѣхъ затрудненій нынѣшняго внутренняго положенія.—говорилъ когда то В. К. фонъ-Плеве въ спорѣ съ С. Ю. Витте.

Отвлечь вниманіе общества и народа отъ внутреннихъ вопросовъ къ внѣшнимъ... Призракомъ внѣшней опасности гипнотизировать страну, прекратить внутренніе раздоры, создать священный союзъ всѣхъ классовъ и партій въ борьбѣ противъ внѣшняго врага... Сдѣлать снова, хоть на время, безспорной собственную власть, используя ея роль, какъ предводителя всѣхъ силъ націи въ этой борьбѣ... Кого не прельщала такая политическая перспектива? Какое изъ правительствъ, чувствовавшихъ, что власть его расшатана, не прибѣгало къ этому спасительному маневру?

Когда въ нѣдрахъ какого нибудь общественнаго режима созрѣваетъ и скопляется слишкомъ много внутреннихъ противорѣчій, то всегда можно искать выхода изъ нихъ путемъ внѣшняго расширенія той политико-географической арены, на которой совершается ихъ историческое сплетеніе и разрѣшеніе. Для разныхъ общественныхъ укладовъ и эпохъ о б р а з ъ и в и д ъ этой внѣшней диверсіи для смягченія внутренняго кризиса мѣняется, но сущность остается та же. Пространственное увеличеніе среды, которая служитъ территоріальной базой даннаго режима, всесторонне увеличиваетъ рессурсы и „возможности“ этого послѣдняго, дѣлаетъ его болѣе жизненнымъ, эластичнымъ и приспособляемымъ.

По отношенію къ усложненію внутреннихъ отношеній территоріальное расширеніе является какъ бы предохранительнымъ клапаномъ. Въ этотъ клапанъ, во первыхъ, выходитъ излишекъ общественной энергіи, напряженной событіями внутренней жизни. Во вторыхъ, молекулярное движеніе частей переходитъ въ энергію движенія ц ѣ л а г о. Въ третьихъ, при удачѣ внѣшняго предпріятія создается извѣстная мѣра психической удовлетворенности результатами борьбы, способная ней-

трализовать недовольство внутреннимъ положеніемъ. Въ четвертыхъ, увеличиваются просто самые матеріальные рессурсы, которыми располагаетъ данный общественный строй — рессурсы въ видѣ новыхъ территорій, естественныхъ богатствъ, людского матеріала.

Дирижирующіе элементы даннаго режима могутъ цинично и хладнокровно усчитывать эти возможные результаты войны и потому вызвать ее съ „заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ". Но можетъ быть и иначе: они могутъ безсознательно идти къ такому результату, руководимые слѣпою логикой стихійныхъ событій и повинуясь какому то темному инстинкту. Они могутъ или ловко играть на туго натянутыхъ струнахъ общественной нервности,—или, наоборотъ, сами сдѣлаться жертвами этой нервности и вызвать катастрофу просто несдержанностью своихъ волевыхъ импульсовъ, неосторожностью своихъ безпокойныхъ и тревожныхъ движеній. Это дѣла не мѣняетъ. То, какъ люди поступаютъ, исторически гораздо существеннѣе того, какъ люди сами для себя осознаютъ свое поведеніе. Субъективные цѣли и мотивы правящихъ группъ, вызвавшихъ войну, далеко не такъ важны сравнительно съ объективнымъ смысломъ ихъ дѣяній. Тѣмъ болѣе, что далеко не всѣ психическія двигательныя силы осознаются ихъ носителями: не малая часть остается совсѣмъ за порогомъ сознанія, другая же хотя и выявляется въ зеркалѣ сознанія, но въ ложномъ видѣ. Человѣкъ есть существо, до крайности склонное къ самообману, и его сознаніе сплошь и рядомъ бываетъ кривымъ зеркаломъ руководящихъ имъ чувствъ, страстей и интересовъ...

В. К. фонъ-Плеве ясно зналъ, чего онъ хотѣлъ. Онъ хотѣлъ обмануть другихъ, но ни въ малой степени не обманывалъ самъ себя. Его разсужденія были типическимъ образцомъ политическаго цинизма...

Но такая откровенность съ самимъ собою была возможна только потому, что Плеве мечталъ о „маленькой побѣдоносной войнѣ", что онъ недооцѣнивалъ силы Японіи и представлялъ себѣ будущую кампанію немного не въ качествѣ простой колоніальной каратель-

ной экспедиціи, и меньше всего представлялъ себѣ возможность того, чтобы она кончилась крупной исторической катастрофой. Та психологія, которая была свойственна виновникамъ войны передъ манджурской кампаніей, совершенно немыслима была теперь, передъ величайшей въ исторіи общеевропейской войной. Тамъ все было мельче, проще, элементарнѣе, примитивно-грубѣе. Здѣсь все было усложненнѣе, запутаннѣе, глубже. И тѣмъ не менѣе, за явными, бьющими въ глаза различіями не нужно проглядѣть внутреннихъ скрытыхъ схожденій.

О, конечно, на этотъ разъ не было на лицо явнаго „заговора“ буржуазій разныхъ странъ противъ цѣлости международнаго рабочаго движенія, не было коварнаго покушенія международнаго капитала на жизнь соціалистическаго Интернаціонала. Взаимная вражда буржуазій и правительствъ разныхъ странъ менѣе всего походитъ на притворство, на маску, которая должна скрыть ихъ конечную солидарность и замаскировать ихъ маневръ противъ мірового движенія пролетаріата. Но этого вовсе и не нужно для того, чтобы объективный смыслъ этой войны включалъ въ себя, между прочимъ, и рефлективную диверсію буржуазнаго строя противъ угрожающаго ему единства трудовой демократіи.

Буржуазно-бюрократическія правительства разныхъ странъ, разумѣется, не притворно, а дѣйствительно не съумѣли мирнымъ путемъ подѣлить между собою для эксплуатаціи территорію земного шара. Они всецѣло увлечены и захвачены азартной игрой, въ которой обѣ стороны поставили „ва-банкъ“. Не ради конечной цѣли — разрушенія Интернаціонала — они выдвинули, какъ средство, и стали проповѣдывать гражданскій миръ и національное единство; нѣтъ, этотъ миръ и это единство имъ были нужны непосредственно, для того, чтобы двинуть въ бой всю, до зубовъ вооруженную, націю; распадъ Интернаціонала былъ при этомъ лишь побочнымъ послѣдствіемъ. Но, какъ только онъ наступилъ, буржуазный міръ не замедлилъ оцѣнить его по достоинству и возблагодарить за него войну. Подобнымъ же

образомъ были оцѣнены и другія побочныя послѣдствія войны, въ особенности усиленіе мистическихъ и религіозныхъ настроеній. И буржуазная идеологія немедленно обогатилась цѣлымъ рядомъ произведеній, посвященныхъ апологіи войны, какъ „великой воспитательницы народовъ“.

Буржуазный міръ имѣлъ свои „внутреннія противорѣчія“, изъ которыхъ выхода онъ могъ искать лишь въ расширеніи внѣшняго поля капиталистической эксплуатаціи. Соціальные антагонизмы нынѣшняго строя производства внутри каждой страны вели къ обостренію классовыхъ отношеній, угрожая переходомъ борьбы классовъ въ войну классовъ. Какое средство можно было найти для смягченія этихъ антагонизмовъ? Только одно: такъ поднять національное богатство, чтобы даже при увеличеніи общей нормы эксплуатаціи абсолютное количество цѣнностей, достающихся на долю пролетаріата, было достаточно велико, чтобы притупить остроту классоваго недовольства. Имперіализмъ и былъ такой политической системой, которая должна была сдѣлать изъ его носительницы привиллегированную страну, по отношанію къ которой цѣлый рядъ странъ сталъ бы на положеніи странъ-данницъ. Остальное понятно. Національный капитализмъ, получающій „прибавочную стоимость“ изъ цѣлаго ряда повергнутыхъ въ состояніе экономической зависимости земель, можетъ подѣлиться капельками падающаго на него золотого дождя съ отечественнымъ пролетаріатомъ, чтобы обезпечить съ его стороны необходимое сотрудничество, чтобы привязать его къ своей тріумфальной колесницѣ. Этотъ „выходъ“ былъ, конечно, лишь „локальнымъ“ выходомъ. Онъ создавалъ возможность смягченія противорѣчій и антагонизмовъ въ странахъ-избранницахъ, за счетъ ихъ обостренія въ странахъ-данницахъ. Мало того, онъ логически приводилъ къ столкновенію нѣсколькихъ имперіализмовъ, оспаривавшихъ другъ у друга пальму первенства, боровшихся за монопольное положеніе въ дѣлѣ эксплуатаціи міра.

Плеве могъ просто и грубо доказывать Витте. что побѣды во внѣ улучшатъ положеніе внутри. Болѣе

сложная логика отношеній, создаваемыхъ механизмомъ капиталистическаго строя, приводила къ тому же результату: выхода изъ внутреннихъ антагонизмовъ искали въ расширеніи внѣшняго поля господства и эксплуатаціи. Плеве своей политикой поставилъ Россію передъ опасностью внутренней реакціи въ результатѣ внѣшнихъ побѣдъ. Современная война ставитъ передъ всей цивилизованной Европой аналогичную опасность. Колоссальной непроизводительной затратой силъ и средствъ, разрушеніемъ культуры, истребленіемъ человѣческихъ жизней она грозитъ отбросить насъ на добрыхъ полустолѣтія, если не на цѣлое столѣтіе назадъ...

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ войны не только каждой странѣ угрожаетъ перспектива быть переполненной жертвами войны, несчастными калѣками, жалкими инвалидами. Цѣлымъ народамъ грозитъ опасность превратиться въ политическихъ инвалидовъ, въ историческихъ калѣкъ, не идущихъ полнымъ ходомъ по столбовой дорогѣ историческаго прогресса, а ковыляющимъ на костыляхъ, съ подвязанной рукой, съ деревяшкой вмѣсто одной ноги, по окольнымъ проселочнымъ тропинкамъ исторіи. Правда, націи—не то, что индивидуальные организмы. Ткани общественнаго организма вѣчно обновляются, новыя и новыя поколѣнія вступаютъ въ жизнь на смѣну своихъ предшественниковъ, и какъ бы ни было велико истощеніе націй, какъ бы ни была сильна духовная прострація послѣ военнаго напряженія, все это—преходяще. Пусть такъ. Но вѣдь „пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ“. А она обильно выпадаетъ, эта „злая роса“ ростущаго озлобленія, взаимной ненависти, національной гордыни, презрѣнія къ другимъ народамъ и расамъ, пробужденія всѣхъ атавистическихъ чувствъ, всѣхъ духовныхъ реакцій...

Великая міровая катастрофа... Не ясно ли, что послѣ нея не можетъ все „просто“ вернуться въ свое „первобытное состояніе“? Не ясно ли, что за великимъ кризисомъ долженъ послѣдовать великій историческій сдвигъ? Вопросъ лишь въ томъ, въ какую сторону будетъ этотъ сдвигъ,—впередъ или назадъ?

Хотя данная война и не была просто „измышлена“ правящими классами, какъ средство повернуть назадъ колесо исторіи,—для этого она связана для нихъ самихъ со слишкомъ большимъ рискомъ,—и хотя исторія ея происхожденія является многократно болѣе сложной,—однако, разъ она есть на лицо, всѣ усилія правящихъ классовъ направлены на то, чтобы извлечь изъ нея возможно болѣе контръ-революціонныхъ послѣдствій. И потому объективно она является, между прочимъ, и колоссальной диверсіей буржуазнаго міра, направленной на разрушеніе единства и силы международной трудовой демократіи. И только путемъ героическихъ усилій трудовая демократія могла бы парализовать этотъ маневръ и обратить его во вредъ самимъ его изобрѣтателямъ. Только при этомъ условіи военная катастрофа могла бы кончиться неожиданнымъ отрезвленіемъ народовъ вмѣсто ихъ конечнаго опьяненія и тяжкаго мутнаго историческаго похмѣлья. И вотъ почему тотъ, кто на время войны, гипнотизируя трудовую демократію интересами фронта, требуетъ ея политическаго воздержанія,—работаетъ на контръ-революцію. Его намѣренія могутъ быть наилучшими, онъ можетъ оставаться въ своемъ собственномъ представленіи кѣмъ угодно — революціонеромъ, соціалистомъ, интернаціоналистомъ;—на дѣлѣ, по объективному смыслу своей дѣятельности, онъ будетъ именно поэтому вреднѣйшимъ изъ всѣхъ дѣйствующихъ контръ-революціонныхъ элементовъ!

ТРЕТЬЯ СИЛА

Объ условіяхъ будущаго мира рѣшено не разговаривать. Это — преждевременно. Война остается тѣмъ, что она есть. Мѣряются силами два громадныхъ міровыхъ политическихъ треста. Мѣряются силами безъ какого нибудь строго опредѣленнаго спорнаго пункта. Мѣряются силами, не раскрывая своихъ картъ, не оповѣщая заранѣе о томъ, чего они хотятъ отъ побѣды. Во всю величину поставленъ вопросъ о политической гегемоніи. Границъ будущихъ при-

тязаній побѣдителя не видно. Все зависитъ отъ того, насколько рѣшительной будетъ побѣда.

Не ясно ли, что при такихъ условіяхъ самое благоразумное — устранить самое обсужденіе вопроса объ условіяхъ мира, какъ преждевременное? Зачѣмъ плодить пустые дебаты? Не ясно ли, что условія мира опредѣлятся ничѣмъ инымъ, какъ соотношеніемъ силъ въ моментъ, когда одна изъ сторонъ, либо обѣ онѣ, окажутся не въ силахъ продолжать борьбу?

Да, конечно, вопросъ объ условіяхъ будущаго мира, какъ и всѣ важнѣйшія проблемы соціальной жизни, въ своемъ рѣшеніи сводится къ Machtfrage и Machtverhältnisse. Сейчасъ борятся двѣ сложныхъ силы—тройственнаго согласія и двойственнаго союза. И кто хочетъ, чтобы соціализмъ повліялъ въ своемъ духѣ на условія мира — тотъ не имѣетъ другого пути, какъ созданіе третьей силы, вмѣшивающейся въ борьбу названныхъ двухъ. Такой „третьей силой“ можетъ быть только — международное рабочее движеніе.

Пустословитъ всякій, кто откладываетъ возрожденіе международнаго характера этого движенія на время послѣ мира,—и въ то же время говоритъ о вліяніи въ соціалистическомъ духѣ на условія этого мира. Пока рабочій Интернаціоналъ представляетъ собою „царство, раздѣлившееся на ся“, онъ безсиленъ на что либо вліять. Его membra disjecta могутъ только тащиться на запяткахъ разныхъ національныхъ военныхъ колесницъ. Ужъ не участіемъ ли отдѣльныхъ представителей въ министерствахъ— участіемъ, при которомъ они похожи болѣе на плѣнниковъ и на заложниковъ, чѣмъ на „власть имущихъ“—собираются замѣнить реальную силу международнаго рабочаго движенія въ пользу опредѣленной обще-соціалистической программы мира?

Боится собственной тѣни каждый, кто международной соціалистической дѣятельностью во имя общей программы мира — опасается сыграть въ руку какой нибудь одной,— и можетъ быть не лучшей, — изъ борющихся сторонъ. Ибо международное рабочее движеніе, которое было бы достаточно сильно, чтобы сломить воинскій пылъ правящихъ классовъ и продиктовать имъ моментъ заключенія мира —

было бы, конечно, достаточно сильно и для того, чтобы продиктовать имъ условія мира, наложить на будущій мирный трактатъ печать с в о е й воли и с в о е г о правосознанія.

Но не пустой ли разговоръ, не одно ли „благочестивое пожеланіе“ — это возстановленіе международнаго характера движенія, это отысканіе для соціалистовъ обоихъ лагерей общаго дѣла еще д о окончанія войны? Можно ли вѣрить, что громадное предпріятіе при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ можетъ завершиться удачей? Не будетъ ли всякая попытка въ этомъ духѣ — ударомъ шпагой по водѣ?

Пророчествовать мы не беремся. Одно вѣрно. Нестерпимость современнаго положенія все острѣе и острѣе ощущается въ широкихъ массахъ по обѣ стороны „линіи огня“. Война же принимаетъ все болѣе и болѣе затяжной характеръ. И болѣе чѣмъ вѣроятно наступленіе такого момента, когда желающіе во что бы то ни стало довести партію до окончательнаго „шахъ и матъ“, попадая постоянно въ тупики „вѣчнаго шаха“ то съ той, то съ другой стороны, натолкнутся наконецъ на законное нетерпѣніе „третьихъ лицъ“, которымъ достается во всемъ этомъ болѣе, чѣмъ „страдательная“ роль. Какъ и въ чемъ выразится это настроеніе „третьихъ лицъ“ или „третьей силы“? Въ разрозненныхъ ли актахъ или въ дѣйствіи по сговору? Въ стихійныхъ ли рефлексахъ недовольства или въ планомѣрныхъ дѣйствіяхъ? Обо всемъ этомъ можно лишь гадать. Охотники могутъ заняться этими гаданіями и приходить либо къ благопріятнымъ, либо къ неблагопріятнымъ выводамъ. Но мы въ этомъ занятіи имъ — не товарищи.

Для насъ достаточно одного: если мы хотимъ повліять въ будущемъ на условія мира, мы должны создавать т р е т ь ю с и л у. Успѣемъ мы въ этомъ дѣлѣ — и вліяніе наше на условія будущаго мира будетъ максимально. Мало успѣемъ — останемся при минимальномъ вліяніи. Въ первомъ случаѣ мы, быть можетъ, значительно сократимъ „муки родовъ“. Во второмъ—онѣ могутъ затянуться.

Но такъ какъ мы не можемъ, закрывъ глаза, отдаться во власть „стихійнаго хода вещей“ и предоставить слово въ рѣшеніи условій мира лишь голосу „военнаго счастья“, то суждено ли намъ сдѣлать много или мало,—все равно:

мы должны сдѣлать все, что можемъ, а потому и посвятить этому всѣ свои усилія—работать въ направленіи созданія третьей силы, выработки ея общесоціалистической мирной программы и ея давленія какъ на „ускореніе мученій родовъ", такъ и на ихъ успѣшный результатъ. Даже болѣе того: чѣмъ скромнѣе въ этомъ смыслѣ наши возможности, тѣмъ меньше мы имѣемъ право отрывать какую либо часть находящихся въ нашемъ распоряженіи силъ на иное, не вполнѣ наше дѣло...

... „Третья сила"... Гдѣ она, эта „вилами на водѣ писанная" третья сила!—доносятся до насъ голоса скептиковъ. Улита ѣдетъ, когда то будетъ... Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ!

О да, скептики правы. „Третья сила" слишкомъ медлитъ своимъ возрожденіемъ и выступленіями. Ждать ея слишкомъ долго.

Но мы и не предлагаемъ ея ждать. Мы предлагаемъ, мы зовемъ — дѣйствовать. Дѣйствовать для возсозданія этой силы, въ ея организацію вложить всю энергію, всю силу, весь пылъ чувства и воли. Какъ бы ни были проблематичны надежды на скорые успѣхи ея дѣйственныхъ выступленій, кромѣ нея намъ не на что надѣяться. И потому, независимо отъ всякихъ практическихъ мотивовъ, работа надъ ея возрожденіемъ для насъ есть категорическій императивъ личной и политической морали. И слѣдовать ему мы должны были бы даже тогда, если бы это означало погибнуть на великомъ невозможномъ. Ибо „мертвому льву лучше, чѣмъ псу живому"!

ОТЪ ОРГАНИЧЕСКАГО ПЕРІОДА КЪ КРИТИЧЕСКОМУ

Старые историки когда то дѣлили эпохи исторической жизни народовъ на два основныхъ разряда: на эпохи органическія и на эпохи критическія. И въ этомъ различеніи есть большое зерно истины.

Каждый общественный укладъ долженъ сначала пробиться сквозь толщу старыхъ, обветшалыхъ жизненныхъ формъ. Эти послѣднія никогда не сдаются безъ боя. И почти никогда не оказываются настолько гибкими и эластичными, чтобы давать мѣсто новымъ общественнымъ напластованіямъ

рядомъ съ собою, и ограничиваться по отношенію къ нимъ лишь сопротивленіемъ, не выходящимъ изъ рамокъ умѣренности и благоразумія. Почти никогда не бываетъ, чтобы эмбріоны новаго строя, зародившись въ нѣдрахъ стараго, имѣли возможность медленно, исподволь разрастись, вытѣснить и замѣнить понемногу всѣ органы, перенять всѣ функціи прежняго общественнаго организма. Гораздо чаще эта историческая смѣна происходитъ путемъ рѣзкихъ толчковъ, столкновеній, скачковъ впередъ, понятныхъ движеній, бурныхъ катастрофъ и пертурбацій. Такой острый, пертурбаціонный или „критическій“ періодъ оказывается тѣмъ болѣе длительнымъ и затяжнымъ, чѣмъ меньше соотвѣтствіе между двумя параллельными процессами: обветшанія стараго и созрѣванія новаго. Ибо эти параллельные процессы не находятся между собою въ отношеніяхъ какой то „предустановленной гармоніи“. Иногда „старое“ идетъ къ своему разрушенію семимильными шагами, въ то время, какъ „новое“ еще находится въ своей исторической колыбели. И тогда отжившій общественный укладъ начинаетъ заживо гнить и разлагаться, отравляя все вокругъ себя, переживая острые болѣзненные кризисы, и все же продолжая прозябать, ибо некому нанести ему послѣдній coup de grâce, некому сломить историческую инерцію и принять отъ него въ свои руки культурно-историческое наслѣдство. Иногда бываетъ и наоборотъ — „новое“ складывается гораздо быстрѣе, чѣмъ отживаетъ и дряхлѣетъ старое. И тогда процессъ смѣны опять таки затягивается, но принимаетъ совершенно иной характеръ. Характеръ энергическихъ, напряженныхъ поединковъ, при которыхъ съ обѣихъ сторонъ расходуется максимальная сумма живой политической энергіи. Полосы упорной „позиціонной войны“, въ которой идетъ осторожная и разсчетливая борьба за каждую пядь земли, смѣняются оживленной, интенсивной „guerre de mouvements“. „Классовая борьба“ превращается въ „классовую войну“. Въ исторію вписываются страницы — одна блестящѣе другой — индивидуальнаго и массоваго героизма...

Но всякій общественный укладъ знаетъ и другія эпохи: эпохи своей максимальной зрѣлости, расцвѣта и полноты жизненныхъ силъ. Эпохи, когда у него уже кончился пе-

ріодъ борьбы за право на существованіе съ предшествующими историческими формаціями, и еще не начался періодъ серьезной опасности отъ своихъ историческихъ „преемниковъ“. Въ эту „среднюю эпоху“ все входитъ въ нѣкоторую проторенную, прочную жизненную колею. Общественныя отношенія принимаютъ характеръ какой то особенной налаженности и устойчивости.

Для современнаго буржуазнаго порядка „муками родовъ“ была эпоха великой французской революціи и наполеоновскихъ войнъ. Но, въ общемъ „роды“ затянулись на цѣлый длинный историческій періодъ. Не во всѣхъ странахъ равно быстро совершался процессъ внутренняго преобразованія; скакнувшая рѣзче и дальше впередъ Франція столкнулась съ союзомъ контръ-революціонныхъ государствъ; побѣдоносно справляясь съ нимъ, она на остріяхъ штыковъ внесла во многія изъ странъ новыя начала общественной жизни; но въ этой затянувшейся колоссальной міровой борьбѣ она сама неизбѣжно милитаризировалась и, наконецъ, попала въ руки императорской диктатуры; революціонизирующее значеніе дальнѣйшей ея борьбы такимъ образомъ выдохлось; наконецъ — долгъ платежемъ красенъ — частично преобразованная Франціей Европа взяла надъ нею кровавый реваншъ и на остріяхъ штыковъ союзныхъ армій принесла ей реставрацію. Потребовались новыя революціи 1830 и 1848 годовъ, чтобы докончить то, что было начато полустолѣтіемъ раньше.

Второе пятидесятилѣтіе девятнадцатаго вѣка, въ общемъ и цѣломъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, опредѣлялось, какъ „органическій“ періодъ буржуазнаго общественнаго уклада. Одинокая революція 1870 года, парижская коммуна, играетъ роль „ласточки, которая не дѣлаетъ весны“. Еще не созрѣвшій историческій преемникъ буржуазіи, европейскій пролетаріатъ, растревоженный громомъ битвъ между нею и феодально-абсолютистской властью, уже въ 1848 г. дѣлаетъ первую судорожную попытку, обреченную на пораженіе, драться не подъ чужимъ, а подъ своимъ собственнымъ классовымъ знаменемъ. Такой же судорожной попыткой является и Парижская Коммуна. Надъ обѣими совершается историческій фатумъ, по которому „на смерть обречены слишкомъ ранніе предтечи слишкомъ медленной

весны". Буржуазный порядокъ продолжаетъ налаживаться въ разныхъ мѣстахъ Европы. Не безъ локальныхъ конфликтовъ, пертурбацій и войнъ онъ создаетъ большія національно-капиталистическія государства, завершаетъ объединеніе Италіи и Германіи, полузавершаетъ дѣло національной эмансипаціи на Балканахъ. И затѣмъ, на базѣ этихъ великихъ національныхъ государствъ строитъ величественное зданіе капиталистическаго расцвѣта, которому становятся наконецъ тѣсными даже эти національныя рамки, и который въ смѣломъ размахѣ имперіалистической политики ставитъ ребромъ проблему мірового господства, почти „міровой организаціи хозяйства"...

Полоса революціонныхъ встрясокъ въ Россіи, Турціи, Персіи, Китаѣ, полоса войнъ на дальнемъ Востокѣ, въ Африкѣ, на Балканахъ начинаетъ собою новую эру. Она еще болѣе обостряетъ положеніе. Новые народы выдвигаются въ рядъ со старыми культурными странами, эмансипируясь отъ прежней зависимости. Буржуазнымъ конкурентамъ становится все тѣснѣе и тѣснѣе. Обостряется, усложняется и постановка вопроса объ „организаціи человѣчества" въ общеевропейскомъ и даже почти въ міровомъ масштабѣ, и распря между главными претендентами на гегемонію въ этомъ мірового размаха дѣлѣ. Для буржуазно-капиталистическаго режима „органическій періодъ" развитія приходитъ къ концу. Наступаетъ опять „критическій періодъ"...

Долго ли онъ продлится? И чему будетъ онъ преддверіемъ? Введетъ ли онъ насъ въ эру новаго расцвѣта капитализма на еще болѣе расширенномъ базисѣ — базисѣ „гиперъ-имперіализма"? Создастъ ли онъ объединеніе всей Европы въ сложное и объединенное хозяйственное цѣлое, претендующее на имперіалистическое господство надъ міромъ? Произойдетъ ли это объединеніе „сверху", подъ гегемоніей какой нибудь одной націи, доказавшей и въ международной экономической борьбѣ, и на поляхъ битвы свое первенство въ смыслѣ мощи и организаціоннаго таланта? Или же послѣ ряда столкновеній окажется, что отъ претензій на гегемонію всѣмъ придется отказаться, и создать „Соединенные Штаты Европы", довольствуясь въ нихъ положеніемъ „равныхъ" и примирившись ради болѣе

успѣшнаго главенства надъ остальною частью земного шара? Или же, наконецъ, этотъ высшій „гиперъ-имперіалистическій“ фазисъ развитія капитализма окажется химерой и „отцвѣтетъ, не успѣвши расцвѣсть“? И этотъ новый критическій періодъ, періодъ внѣшнихъ и внутреннихъ пертурбацій, войнъ и революцій, закончится переходомъ власти изъ рукъ буржуазной демократіи въ руки демократіи трудовой, авангардомъ которой явится пролетаріатъ? И если такъ, то совершится ли этотъ переходъ въ результатѣ одной „великой революціи“, или распадется на цѣлый рядъ революцій, перемежаемыхъ полосами контръ-революціонныхъ реваншей? Не займетъ ли онъ, въ этомъ случаѣ, цѣлаго долгаго всемірно-историческаго періода, подобно тому, какъ растянулся на цѣлую долгую эпоху переходъ отъ феодальнаго абсолютизма къ буржуазной демократіи?

Все это—вопросы, на которые можетъ намъ дать достаточно конкретизированные отвѣты только будущее. Наше скудное знаніе пока еще безсильно настолько овладѣть безмѣрной сложностью процессовъ соціальной жизни, чтобы предугадывать не только конечные результаты и направленія исторической „рѣки жизни“, но и самые обороты, извилины, широту разлива и глубину ея русла, вмѣстѣ съ тѣми отмелями и порогами, которые встрѣтятся на ея пути. Одно вѣрно. Изъ періода относительно спокойнаго, органическаго развитія Европа вступила въ періодъ критическій. Это положеніе должно сдѣлаться отнынѣ базой всѣхъ нашихъ тактическихъ сужденій и плановъ. Ибо наша тактика не можетъ быть простымъ близорукимъ эмпирическимъ расчетомъ непосредственной политической выгоды. Это — удѣлъ людей вершка и партій золотой середины, узкихъ практиковъ, для которыхъ пышное слово „реальная политика“ прикрываетъ собою неспособность видѣть дальше своего носа. Партія соціалистическая есть прежде всего—партія будущаго. Ея тактическая линія поведенія вытекаетъ изъ того, какъ она осмысливаетъ для себя тотъ историческій періодъ, въ предѣлахъ котораго ей приходится дѣйствовать и бороться, и его мѣсто среди другихъ историческихъ періодовъ — предшествующихъ и послѣдующихъ. Только такой глубокій соціальный діагнозъ даетъ соціалистической партіи руководящія начала, которыя будутъ ду-

шею ея тактики. Они то и не дадутъ ей запутаться въ трехъ соснахъ преходящихъ событій момента, они то и спасутъ ее отъ удѣла политически-недозрѣвшихъ соціальныхъ группъ и перезрѣлыхъ политиковъ — изъ за деревьевъ не видѣть лѣса...

Отъ органическаго періода — къ критическому! Такое пониманіе основного смысла момента неизбѣжно связано въ политической практикѣ съ лозунгомъ: отъ господствовавшей доселѣ „позиціонной“ классовой борьбы, отъ „отсиживанія“ въ траншеяхъ легальныхъ классовыхъ организацій, за оборонительными фортификаціями парламентскаго фабричнаго законодательства — къ революціонному наступленію на основы буржуазнаго господства и буржуазной собственности!

ЛОЗУНГИ МОМЕНТА

I. Пацифизмъ и соціализмъ

„Миръ во что бы то ни стало!“,

„Миръ — въ любой данный моментъ!“.

Таковъ лозунгъ, предлагаемый нѣкоторой частью соціалистовъ для объединенія всѣхъ, оставшихся вѣрными соціализму силъ.

Эта часть соціалистовъ полагаетъ вообще, что настоящій моментъ требуетъ выдѣленія изъ общей нашей „Actionsprogramm“ какого-нибудь одного — въ крайнемъ случаѣ двухъ-трехъ требованій, въ качествѣ платформы, въ качествѣ чего то очереднаго — какъ въ смыслѣ настоятельности, неотложности, такъ и въ смыслѣ практической осуществимости.

Темнымъ остается вопросъ — какъ относится платформа къ остальной программѣ частичныхъ требованій? Не идетъ ли въ ущербъ оставшимся въ программѣ требованіямъ тотъ фактъ, что изъ нея нѣкоторыя выдвинуты на первый планъ? Не значитъ ли это, что остальныя отодвинуты на второй планъ и принесены въ жертву первымъ?

„Миръ во что бы то ни стало!“. Конечно, мы, соціалисты, — сторонники мира. Но мы въ равной мѣрѣ

сторонники цѣлаго ряда другихъ вещей, напримѣръ, самоопредѣленія національностей, разоруженія и т. п. Ну, а если въ извѣстный моментъ миръ можетъ быть купленъ лишь цѣною отдачи извѣстной національности — скажемъ, Бельгіи — подъ иноплеменный гнетъ? Или если возможенъ лишь такой миръ, который по своимъ условіямъ будетъ настолько неудовлетворителенъ, что вгонитъ во взаимныя отношенія національностей новыя клинья раздора, и будетъ чреватъ лишь новой горячкой вооруженій, лишь новымъ колоссальнымъ расцвѣтомъ милитаризма?

Миръ есть огромное благо. Но, кромѣ мира, есть еще множество соціальныхъ, политическихъ и культурныхъ благъ. Кто же рѣшится сказать, будто только миръ есть благо основное, несоизмѣримое со всѣми иными, — будто всѣ остальныя блага по сравненію съ нимъ настолько меркнутъ, что всѣ ихъ можно, не задумываясь, принести въ жертву на алтарѣ мира?

Мы — соціалисты. Болѣе того, мы — соціалисты-революціонеры. Какъ ни высоко цѣнимъ мы благо мира внутри страны, но во имя извѣстныхъ соціальныхъ, политическихъ и культурныхъ цѣнностей мы готовы жертвовать миромъ — нести странѣ „не миръ, но мечъ“. Во внѣшнихъ вопросахъ мы разсуждаемъ точно такъ же, какъ и во внутреннихъ. И если мы постоянно вели, ведемъ и будемъ вести „войну противъ войны“, то это потому, что въ современномъ буржуазномъ строѣ — увы! не существуетъ безкорыстныхъ войнъ за высшія культурныя цѣнности. Меркантильно-своекорыстный духъ слишкомъ глубоко въѣлся во всю политику современныхъ мѣщанско-капиталистическихъ государствъ. Но въ принципѣ мы вовсе не противъ всякой, какой бы то ни было войны—войны, во имя чего бы она ни велась. Французская революція вынуждена была воевать противъ коалиціи монарховъ. Будущая революція трудовой демократіи можетъ оказаться въ такомъ же положеніи и оружіемъ рѣшить свой споръ съ коалиціей буржуазныхъ государствъ. Въ этомъ — наше отличіе отъ современнаго буржуазнаго пацифизма. По всему своему духу мы чужды той дряблой уступчивости, той прикованности къ мирному покою во что бы то ни стало, которыя характерны для этихъ „кроткихъ іессеевъ“, для этихъ

тихенькихъ „политическихъ непротивленцевъ“ современности.

Fiat justitia, pereat mundus! Да здравствуетъ справедливость, хотя бы цѣной гибели міра! — гордо говорили метафизики понятій права и справедливости. Мы вовсе не расположены быть такими же метафизиками идеи мира. Fiat pax, pereat mundus—подобный красивый парадоксъ, можетъ быть, пришелся бы по вкусу толстовцамъ и пацифистамъ, — но мы никогда не были и не будемъ въ ихъ рядахъ.

Мы должны готовиться и ждать благопріятнаго момента для такого дѣйственнаго вмѣшательства въ событія, которое бы помогло воюющимъ государствамъ выйти изъ тупика колоссальной всемірной бойни съ минимумомъ ущерба для культуры, демократіи и соціальнаго прогресса. Но именно поэтому мы не можемъ нашего стремленія къ миру оторвать отъ цѣлаго ряда другихъ стремленій, безъ органической связи съ которыми это стремленіе выродилось бы въ робкую уступчивость, въ мѣщанскую жажду покоя, покоя во что бы то ни стало.

И пусть намъ не говорятъ, будто только такое заостреніе лозунга мира, только формулировка его съ категорическими приставками „въ любой данный моментъ“ и „во что бы то ни стало“ — прекратитъ нестерпимое, невозможное положеніе, при которомъ соціалисты всѣхъ странъ идутъ на поводу у своихъ правительствъ и смѣшиваются съ чужими элементами. Это не такъ. Вовсе не всѣ правительства воюющихъ странъ и не во всякій моментъ враждебны такому лозунгу. Инымъ изъ нихъ — тѣмъ, которые успѣли въ первую фазу войны нѣчто захватить, и которымъ вторая фаза войны грозитъ потерей этого „нѣчто“ — такой лозунгъ иногда можетъ быть только выгоденъ. И вовсе не отъ всѣхъ чуждыхъ соціализму элементовъ этотъ лозунгъ насъ отгораживаетъ. Напротивъ: онъ грозитъ смѣшеніемъ съ буржуазными пацифистами. Но мы не хотимъ ни играть въ руку первымъ, ни скатиться въ тихое лоно послѣднихъ.

Наше стремленіе къ миру, какъ и всякое другое требованіе, получаетъ свое глубокое соціально и политически-цивилизующее значеніе лишь въ неразрывной связи со всей цѣлокупностью свойственныхъ намъ требованій и стремле-

ній. Вырванное изъ этой органической связи, оно немедленно теряетъ свой опредѣленный цвѣтъ и запахъ. Но обезцвѣчиваніе было бы теперь для насъ духовнымъ самоубійствомъ.

„Не миръ, но мечъ“ влагаетъ намъ въ руки исторія въ свои самые критическіе моменты. Мы не сумѣли во время, — не отступая передъ силой меча — пріостановить опасность войны. Это не значитъ, что не наступитъ больше момента, когда исторія снова будетъ повелительно влагать его въ наши руки, чтобы разсѣчь основные завязанные исторіей гордіевы узлы, мѣшающіе разрѣшенію разразившагося надъ Европой кризиса. Нужно ли прибавлять, что такихъ главныхъ узла — два: въ Берлинѣ и Петербургѣ? И основнымъ нашимъ лозунгомъ должно быть — не оказаться въ этотъ моментъ въ положеніи евангельскихъ дѣвъ, не имѣвшихъ масла въ свѣтильникахъ, когда пришелъ женихъ...

II. Нашъ тактическій лозунгъ.

Какъ выразить въ возможно болѣе краткой и рельефной формулѣ то, что составляетъ душу всей нашей тактики во время войны, — основную тенденцію, основное заданіе нашей тактики?

Этотъ вопросъ встаетъ самъ собою, когда вспоминаешь пущенные въ оборотъ за послѣднее время многочисленные и разнообразные ходячіе лозунги: „борьба за миръ во что бы то ни стало“, „война противъ войны“ и т. п. Они насъ никогда не удовлетворяли, какъ лозунги неполные, односторонніе, а иногда такъ даже и невѣрные. Нашъ тактическій лозунгъ — другой. Онъ гласитъ: превращеніе переживаемаго цивилизованнымъ міромъ военнаго кризиса въ кризисъ революціонный.

Вѣяніе революціи въ послѣдніе годы уже не разъ проносилось надъ Европой, захватывая и Азію. Мы были свидѣтелями португальской, турецкой, русской, персидской и китайской революціи. Въ особенности событія въ Россіи нашли себѣ многочисленные отголоски повсюду. Даже въ странахъ старой Европы, гдѣ жизнь давно вошла въ извѣстную „нормальную“ колею, гдѣ движеніе долго, слишкомъ долго, и успѣшно, слишкомъ успѣшно приспособлялось

къ рамкамъ легальности, повѣяло новымъ духомъ. Духомъ открытыхъ массовыхъ выступленій, всеобщихъ стачекъ, демонстрацій...

Первый подъемъ революціонной волны улегся. Кое гдѣ революція кончилась полууспѣхомъ, кое гдѣ „сорвалась“ и снова загнана была „внутрь“ неистовствами контръ-революціи. Прошла полоса усталости, апатіи, разочарованія. По Европѣ соціалистическія партіи вновь „сыграли назадъ“ и постепенно вошли опять въ русло мирно-реформистской работы.

Революція кончена! — говорили одни. Революціи еще не было, былъ только „прологъ“ къ ней, если даже не „прологъ пролога“! — говорили другіе. Надо ли напоминать, въ чьихъ рядахъ стояли мы въ этомъ вопросѣ? И надо ли спрашивать, кто оказался правымъ?

Слишкомъ глубокими причинами вызвано было нарожденіе въ современной Европѣ революціонной ситуаціи. Наша эпоха явно стояла и стоитъ „подъ знакомъ“ величайшихъ міровыхъ пертурбацій. Въ странахъ индустріальнаго капитализма ему все тѣснѣе и тѣснѣе становятся національныя рамки. Внутреннія противорѣчія капитализма обостряются. Временное разрѣшеніе этихъ в н у т р е н н и х ъ противорѣчій подъ руками — оно достижимо путемъ расширенія в н ѣ ш н и х ъ границъ арены дѣятельности національнаго капитала. И вотъ, зрѣютъ планы „организаціи человѣчества“ подъ эгидой того или другого національнаго капитализма. Достигаетъ крайнихъ высотъ „міродержавная политика“, проэктируется „черный передѣлъ“ политико географической карты міра. Со своей стороны, страны аграрныя, превращаемыя въ чужія „колоніи“, бьются въ революціонныхъ судорогахъ, ощупью отыскивая выходъ изъ хозяйственнаго и политическаго тупика, стремясь освободиться отъ внутренней и внѣшней опеки. Иногда онѣ выходятъ на дорогу эмансипаціи, перестаютъ или грозятъ перестать служить пассивной наковальней подъ молотомъ внѣшней эксплуатаціи. И тогда странамъ гипертрофированной индустріи и финансового капитала становится еще тѣснѣе, а европейское и міровое политическое равновѣсіе дѣлается еще болѣе неустойчивымъ.

Великія міровыя войны суть обычныя спутницы подобныхъ критическихъ эпохъ. Правящіе элементы государствъ ищутъ изъ нихъ выхода упрощенными методами. Они прибѣгаютъ къ ultima ratio своей политики, къ грубой милитаристической силѣ, чтобы за счетъ другихъ странъ создать своей странѣ привиллегированное положеніе. Это привиллегированное положеніе и должно дать локальный выходъ изъ всеобщаго кризиса, — за то усугубивши критическое положеніе въ странахъ, за счетъ которыхъ это привиллегированное положеніе будетъ создано.

Успѣшная война сулитъ сторонѣ-побѣдительницѣ на время внутреннее успокоеніе, угрожая сторонѣ побѣжденной обостреніемъ внутренняго кризиса. И вотъ почему идетъ такая бѣшеная скачка конкурентовъ за ускользающимъ миражемъ рѣшительной побѣды, вотъ почему воздухъ наполненъ возгласами „jusqu'au bout"! „Durchhalten"! вотъ почему враждующіе чуть не силкомъ втягиваютъ въ кровавый военный хороводъ всѣ еще упирающіяся нейтральныя страны. Но чѣмъ болѣе усложняется кризисъ, чѣмъ больше растутъ и пухнутъ схватившіеся не на жизнь, а на смерть военно-политическіе тресты, тѣмъ неосуществимѣе становятся перспективы „полной побѣды", „полнаго разгрома" одной изъ сторонъ, разгрома, выдающаго ее на милость побѣдителя. Все вѣроятнѣе становится, что ни одной изъ сторонъ не удастся найти паразитическій „лже-выходъ" изъ нароставшаго до войны и развернувшагося во весь свой ростъ во время войны мірового соціально-экономическаго кризиса. Все вѣроятнѣе становится, что всѣ правительства, всѣ дирижирующіе классы вернутся изъ похода домой къ своимъ народамъ — съ пустыми руками.

Они — каждый для себя — хотѣли обмануть міровой кризисъ, уйти отъ него, искусственно направивъ всю силу его давленія на сосѣдей. Но, кажется, имъ будетъ суждено только обострить послѣдствія этого кризиса— повсемѣстныя его послѣдствія—всѣмъ тѣмъ чудовищнымъ разрушительнымъ вліяніемъ, какое имѣетъ современная война, эта война-монстръ, война, сметающая съ лица земли всякое подобіе культуры...

И близится время разсчета. Раньше или позже, а оно придетъ. Будетъ ли это только послѣ войны, или уже

начнется во время ея теченія, и внутренними пертурбаціями ускоритъ ликвидацію внѣшней военной катастрофы? Кто знаетъ! Одно вѣрно. Эпоха относительно мирной и спокойной эволюціи буржуазной Европы осталась позади насъ. Мы вступили въ эпоху катастрофическую. Съ инымъ соціальнымъ содержаніемъ, но она, повидимому, воспроизведетъ въ Европѣ такую же эру революцій, какою было отмѣчено нарожденіе и упроченіе современнаго буржуазнаго строя.

Правящіе классы пытаются уйти отъ кризисовъ и катастрофъ внутреннихъ, развязавъ и направивъ во внѣшнюю борьбу всѣ бродящія стихійныя разрушительныя силы. Наша задача—обратная ихъ задачѣ. У насъ есть одно дѣло, одна задача, которой все должно быть подчинено, какъ средство — цѣли:

Превращеніе переживаемаго современной Европой военнаго кризиса—въ кризисъ революціонный!

КЪ ОБОСНОВАНІЮ НАШЕГО ЛОЗУНГА

I.

Что значитъ нашъ лозунгъ — превращеніе современнаго военнаго кризиса въ кризисъ революціонный—и каково его отношеніе къ другимъ популярнымъ лозунгамъ момента — къ лозунгу мира, лозунгу Соединенныхъ Штатовъ Европы, освобожденія угнетенныхъ національностей и т. п.?

На первый вопросъ отвѣтъ простъ и коротокъ. Мы говоримъ о военномъ кризисѣ существующаго буржуазно-имперіалистическаго строя, т. е. о томъ остромъ патологическомъ разстройствѣ, потрясеніи всего его хозяйственнаго и политическаго организма, которое вызвано войной. Въ самомъ дѣлѣ, затяжная болѣзнь милитаризма, перенапрягавшая и медленно истощавшая жизненныя силы крупнѣйшихъ націй, перешла наконецъ изъ скрытой формы „вооруженнаго мира“ въ явную форму войны, — и не просто войны, а войны-катастрофы, произведшей колоссальную пертурбацію во всей системѣ мірового производства и обмѣна. Ни одинъ изъ чисто-хозяйственныхъ кризисовъ, болѣе или менѣе періодически поражавшихъ капиталистическое хозяйство и

перемежавшихъ своими циклами кривую его развитія, не достигалъ по своимъ разрушительнымъ послѣдствіямъ того размаха, которымъ отличается этотъ военный кризисъ. Напротивъ: въ то время, какъ обычные чисто-хозяйственные кризисы обнаруживали тенденцію переходить все въ менѣе мгновенные и менѣе острые и выражаться въ хозяйственной депрессіи съ центромъ тяжести, перемѣщавшимся изъ однѣхъ отраслей производства въ другія — настоящій военный кризисъ сконцентрировалъ во времени и въ пространствѣ всѣ тѣ пертурбаціонныя вліянія, которыя были характерны для обычныхъ кризисовъ.

Карлъ Марксъ когда то обратилъ вниманіе на то, что эпохи кризисовъ обычно совпадаютъ съ эпохами революцій, а раздѣляющія ихъ эпохи процвѣтанія—съ эпохами „успокоенія", торжества „порядка" и контръ-революціи. Это, конечно, чисто эмпирическое обобщеніе, не претендующее на абсолютность. Дѣйствіе хозяйственныхъ кризисовъ и расцвѣтовъ есть лишь одна изъ тенденцій, и вліяніе ея можетъ разнообразно осложняться и нейтрализоваться другими единовременными вліяніями. Смягченіе остроты хозяйственныхъ кризисовъ, характерное для эпохи, когда эластичность и приспособляемость капитализма достигли своего максимума, дѣйствовало въ смыслѣ смягченія тактики рабочаго класса, ея скатыванія съ высотъ революціонности въ низины реформизма. Съ другой стороны, нарастаніе опасности хозяйственной депрессіи, словно кротъ, подрывалось подъ эту чисто-эволюціонную линію поведенія, порождая недовольство, нервность и тревогу, — предвозвѣстниковъ какого то поворота.

Противорѣчія капиталистическаго строя раньше проявлялись въ изолированныхъ, краткихъ и острыхъ кризисахъ, отъ времени до времени эпизодически. Теперь, благодаря возросшей эластичности капитализма, перешедшаго въ свою высшую имперіалистическую фазу, онѣ стали накопляться. Расширяя арену своей дѣятельности въ міровомъ масштабѣ, индустріализмъ передовыхъ странъ, такъ сказать, перелагалъ дѣйствіе своихъ разрушительныхъ сторонъ на колоніальныя, аграрныя области. Для странъ-метрополій онъ оставлялъ преимущественно свои созидательныя, базовыя стороны. Но, устраняя такимъ образомъ свои пертурба-

ціонныя вліянія въ розницу, онъ копилъ ихъ, чтобы обрушить на европейскій капиталистическій міръ оптомъ. Это не ускользнуло отъ вліянія многихъ корифеевъ современнаго соціализма, даже тѣхъ, которые оказались политическими банкротами, когда наконецъ сбылись ихъ собственныя тревожныя предчувствія и предсказанія.

Такъ, Карлъ Каутскій въ своей книгѣ „Handelspolitik und Sozialdemokratie“ (1901), указывая на стремленія индустріальнаго капитализма обезпечить свое процвѣтаніе въ странѣ расширеніемъ области своего внѣшняго господства, гегемоніи надъ отсталыми, аграрными странами — говорилъ: „скоро и послѣднія изъ нихъ будутъ раздѣлены, и тогда для дальнѣйшаго расширенія монополизированныхъ областей останется только одна дорога: уже не борьба между промышленными и аграрными странами, но кровавая война великихъ индустріальныхъ державъ между собою, — м і р о в а я в о й н а!“

Міровая война, съ этой точки зрѣнія, является лишь внѣшнимъ заостреніемъ того общаго кризиса, кризиса мірового размаха, международнаго масштаба, въ которомъ „о п т о м ъ“ должны проявиться пертурбаціонныя вліянія, которыя капитализмъ такъ искусно устранялъ „в ъ р о з н и ц у“ внутри отдѣльныхъ передовыхъ странъ.

Марксъ констатировалъ въ исторіи частое и естественное превращеніе х о з я й с т в е н н ы х ъ кризисовъ въ кризисы революціонные. И неудивительно: въ эпохи кризисовъ современный строй нагляднѣе, чѣмъ когда либо, обнаруживаетъ всѣ свои о т р и ц а т е л ь н ы я стороны, — т. е. тѣ самыя стороны, которыя рождаютъ въ массахъ духъ остраго недовольства и возмущенія.

Но міровая война сама есть ничто иное, какъ обнаруженіе, какъ внезапный взрывъ накопленныхъ капиталистическимъ міромъ въ своихъ нѣдрахъ антагонистическихъ, разрушительныхъ силъ. И не только обнаруженіе, ибо война сама по себѣ, своимъ брутальнымъ разрушительнымъ дѣйствіемъ еще болѣе осложняетъ и усугубляетъ ихъ пертурбаціонное, будоражащее дѣйствіе.

Современный военный кризисъ есть внѣшнее „увѣнчаніе“ общаго кризиса буржуазнаго міра, кризиса, рычагомъ котораго явился современный капиталистическій имперіализмъ.

Обычные, частные хозяйственные кризисы часто создавали революціонныя ситуаціи и превращались въ кризисы революціонные. Переживаемый Европою нынѣ о б щ і й кризисъ тѣмъ болѣе чреватъ революціонной ситуаціей, тѣмъ болѣе даетъ точку опоры для превращенія военнаго кризиса въ кризисъ революціонный.

Такъ какъ же? — скажутъ намъ. Изъ одного кризиса — въ другой? Изъ огня — да въ полымя? И это — тактическій лозунгъ, который долженъ сдѣлаться магнитомъ для массъ?

Да, изъ огня да въ полымя. Изъ безплоднаго опустошающаго огня военнаго пожара въ очистительное пламя революціи.

Васъ смущаетъ слово „кризисъ“? Но кризисъ въ теченіе опасной болѣзни есть пунктъ перелома. Отъ него два пути: къ гибели и выздоровленію.

Превратить военный кризисъ въ кризисъ революціонный — это и значитъ придать кризису спасительный исходъ вмѣсто смертельнаго. Ибо изъ военнаго кризиса, если предоставить его разрѣшеніе породившимъ его силамъ, ничего не можетъ произойти, кромѣ дальнѣйшаго отмиранія живыхъ тканей расшатаннаго организма старой Европы, кромѣ дальнѣйшаго ея обезкровленія, не сулящаго въ будущемъ ничего, кромѣ упадка и перемѣщенія центра тяжести культуры въ Новый Міръ, въ Америку...

Война зашла въ тупикъ. Тотъ способъ, которымъ хотятъ изъ этого тупика выйти — взять другъ друга „измором“ — напоминаетъ анекдотъ о двухъ львахъ, которые дрались другъ съ другомъ такъ упорно, что въ концѣ концовъ отъ обоихъ осталось лишь по хвосту: они д р у г ъ д р у г а с ъ ѣ л и.

Чтобы вырваться изъ заколдованнаго круга, очерченнаго вокругъ Европы военнымъ пожаромъ, нужны героическія средства. И отсюда нашъ лозунгъ — превращеніе внѣшняго, военнаго кризиса въ кризисъ внутренній, революціонный!

II.

Много лозунговъ брошено было за послѣднее время въ обращеніе среди интернаціоналистски настроенныхъ круговъ. „Миръ“ просто, „миръ во что бы то ни стало“,

„демократическій миръ“, „ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ“, „пораженіе своего правительства“, „война войнѣ“, „гражданская война“...

Формулировавши нашъ тактическій лозунгъ, какъ „превращеніе потрясающаго Европу военнаго кризиса въ кризисъ революціонный“, мы должны опредѣлить отношеніе этого лозунга ко всѣмъ другимъ, о которыхъ приходится слышать.

Миръ... Само собою разумѣется, что „непріятіе войны“ предполагаетъ сочувствіе идеѣ мира. Говорится порою, что даже „худой миръ“ лучше „доброй ссоры“. Однако, требованіе мира трудовыхъ массъ должно же чѣмъ нибудь отличаться отъ маниловски-прекраснодушнаго обывательскаго миролюбія или сантиментальныхъ вздоховъ о мирѣ слабонервныхъ дѣвицъ. Соціализмъ вообще полонъ не добродушно-миролюбиваго, а боевого, революціоннаго духа. Подобно древнему христіанству, и даже съ еще большимъ правомъ, онъ можетъ повторить старый лозунгъ: „не миръ, но мечъ“. Тѣмъ болѣе это относится къ гиперболически подчеркнутому лозунгу „миръ во что бы то ни стало“...

Когда о мирѣ говоритъ пацифистски настроенный обыватель, то онъ повинуется привязанности къ тихому идиллическому житію, къ ничѣмъ не возмущаемому уюту, комфорту домашняго очага, этой житейской „тихой пристани“. Какъ все это чуждо соціализму, для котораго жизнь есть прежде всего не покой, а творчество, напряженіе силъ, трепетанье переполняющей все существо жизненной энергіи! Тихимъ застойнымъ лужицамъ обособленнаго индивидуальнаго существованія, сливающимся порою въ сплошное болото общаго мертваго прозябанія, соціализмъ предпочитаетъ широкую арену, открытое безпокойное море великихъ историческихъ событій, встряхивающихъ людей и напрягающихъ до предѣльнаго максимума ихъ личныя силы. Соціализмъ отвергаетъ лишь такія формы борьбы между людьми, которыя исторически безплодны, ибо основываются на подраздѣленіяхъ внѣшнихъ, не принципіальныхъ, не оправданныхъ съ точки зрѣнія творчества новыхъ жизненныхъ формъ..

Обыватель готовъ мириться съ любыми неудобствами и несправедливостями, лишь бы изъ за ихъ устраненія не произошло такой пертурбаціи, въ которой пострадаютъ

его фарфоровые сервизы и будетъ переломана вся его мягкая мебель. Даже когда задѣты всѣ его, обывательскія, святыни, и онъ подымается на ихъ защиту,— въ его душѣ скоро беретъ верхъ утомленіе, усталость, эта предвѣстница скораго возврата въ тряснну равнодушія. „Ну, довольно драться, пусть наши правительства на чемъ нибудь помирятся: поторгуются, каждый въ чемъ нибудь уступитъ; ничего не подѣлаешь, лучше потерпѣть и поступиться чѣмъ нибудь, чтобы только снова водворился на землѣ миръ, порядокъ, и „въ человѣцѣхъ благоволеніе“!

Соціализмъ не можетъ примкнуть къ такому глубоко безпринципному миролюбію, такъ хорошо подчеркиваемому въ словахъ „миръ во что бы то ни стало“... У соціализма не можетъ быть и той рабьей психологіи, которая, во избѣжаніе того, чтобы отъ панской драки у хлопцевъ чубы не трещали, хочетъ только, чтобы „паны“ какъ нибудь, на чемъ нибудь помирились, а какъ и на чемъ — въ высокой степени безразлично..

Нѣтъ, рабочая демократія не можетъ ждать ничего отъ „пановъ“, не можетъ полагаться на нихъ въ дѣлѣ ликвидаціи войны. Она должна взять это дѣло въ свои собственныя руки.

Простой лозунгъ мира насъ смѣшиваетъ съ обывателями, жаждущими лишь, чтобы тѣ же самыя правительства, которыя подготовили и начали эту войну, — ее ликвидировали. Но этимъ самымъ заранѣе уже предрѣшено, что въ условіяхъ, на которыхъ будетъ ликвидирована война, окажутся зародыши новыхъ осложненій и, быть можетъ, новыхъ войнъ.

Дѣло хотятъ поправить, говоря о демократическомъ мирѣ, о „мирѣ на основахъ права“ и т. п. Но, спрашивается: какъ же можетъ „демократическій миръ“ выйти изъ дипломатической кухни современныхъ недемократическихъ правительствъ? Не значитъ ли это требовать, чтобы на репейникѣ выросла смоква?

Но — говорятъ намъ — вы забываете о давленіи общественнаго мнѣнія современной демократіи?

Есть буржуазная демократія и есть трудовая демократія. Первая откровенно примкнула во всѣхъ странахъ къ націонализму и поддерживаетъ всѣ великодержавныя при-

тязанія и всѣ захватническіе аппетиты своихъ государствъ. Вторая разбита, разрознена, сбита съ толку и почти всюду ликвидировала себя, какъ самостоятельную силу. При такомъ положеніи „общественное мнѣніе“ всѣхъ странъ стоитъ подъ знакомъ общенаціональнаго союза во имя „вознагражденія“ своей страны за принесенныя ею на алтарь войны матеріальныя и человѣческія жертвы.

„Общественное мнѣніе“ въ большинствѣ странъ объявляетъ измѣнниками и „врагами отечества“ всѣхъ, кто имѣетъ смѣлость „плыть противъ теченія“.

И на это обывательское „общественное мнѣніе“ мы должны возложить свои надежды?

Нѣтъ! Это „общественое мнѣніе“ намъ будетъ необходимо п е р е л о м и т ь.

Къ „демократическому миру“ мы можемъ приблизиться лишь въ той мѣрѣ, въ какой произойдетъ возрожденіе трудовой демократіи, какъ единой и самостоятельной силы, — т р е т ь е й силы, вмѣшивающейся въ вооруженный конфликтъ двухъ огромныхъ международныхъ имперіалистическихъ трестовъ.

По отношенію къ „общенаціональному блоку“ въ каждой отдѣльной странѣ эта попытка возрожденія „третьей силы“ будетъ актомъ революціоннымъ, извнутри взрывающимъ „священный союзъ всѣхъ партій“ и замѣняющимъ гражданскій миръ — гражданской войной.

Гражданская война есть, такимъ образомъ, одинъ изъ моментовъ того процесса, который мы называемъ превращеніемъ военнаго кризиса въ кризисъ революціонный. Моментомъ, ему предшествующимъ, будетъ возрожденіе—въ международномъ масштабѣ — т р е т ь е й с и л ы непріемлющей войны трудовой демократіи.

И вотъ почему этотъ лозунгъ — частный лозунгъ. Иные, слишкомъ „не по разуму усердные“ его сторонники старались превратить его въ общій, исключающій всѣ другіе, сообщивъ ему искусственно „всепримѣнимость“ довольно оригинальнымъ путемъ: придавая слову „гражданская война“ слишкомъ распространительное толкованіе. Это чревато, однако, маленькимъ неудобствомъ: подъ громкимъ словомъ начинаетъ подразумѣваться порою слишкомъ невинное содержаніе.

Если мы не хотимъ наспловать словъ, то подъ „гражданской войной“ мы должны понимать лишь заключительную, рѣшающую фазу общей „классовой борьбы“. Стремясь къ превращенію военнаго кризиса въ революціонный, мы, разумѣется, готовы сами и готовимъ другихъ къ рѣшающимъ, самымъ крайнимъ и острымъ формамъ этой борьбы. Но именно поэтому мы и не должны доказывать „практичность“ и „жизненность“ лозунга гражданской войны, разжижая входящія въ его составъ понятія и подводя подъ нихъ хотя бы, напр., даже самое скромное возобновленіе элементарной стачечной самообороны труда отъ военной патріотической эксплуатаціи, или „моральнаго саботажа“ войны соотвѣтственной литературной проповѣдью. Нѣтъ, именно потому и въ томъ случаѣ, если мы принимаемъ глубоко въ серьезъ лозунгъ „гражданской войны“—сохранимъ за нимъ все его острое значеніе, напоминающее о великихъ потрясеніяхъ 1789, 1848 и 1870 годовъ...

Лозунгъ „гражданской войны“, несомнѣнно, пріобрѣтетъ всю свою актуальность, когда п е р в ы й періодъ работы по возрожденію „третьей силы“ останется далеко за нами. Этотъ п е р в ы й періодъ по необходимости долженъ былъ носить на себѣ печать оборонительной тактики. Надо было отстоять принципы боевого интернаціонализма отъ натиска военнаго психоза, дезорганизовавшаго всю демократію, до соціалистической включительно. Надо было сплотиться всѣмъ, оставшимся вѣрными знамени, и начать работу собиранія вокругъ него разсѣявшихся, разстроенныхъ силъ. И лишь послѣ достаточнаго успѣха въ этой работѣ можно думать о переходѣ „vom Schutz zum Trutz“, „отъ обороны къ нападенію“. И лишь въ апогеѣ этого періода можетъ имѣть мѣсто настоящая „гражданская война“...

Война противъ войны... И это не есть и н о й лозунгъ, который можно было бы противополагать нашему. Да, война противъ войны создаетъ новый „внутренній фронтъ“, раскидывая по двѣ его стороны разные элементы, нынѣ искусственно объединяемые системой „гражданскаго мира“. Но „война противъ войны“ есть лишь о д н а сторона борьбы на „внутреннемъ фронтѣ“. Д р у г а я сторона этой борьбы — война противъ вызвавшихъ міровую катастрофу буржуазно-капиталистическихъ и полуабсолютистскихъ пра-

вительствъ. Миролюбцы изъ буржуазныхъ партій пріемлютъ первую, но отказываются отъ второй. Для насъ одна безъ другой теряетъ свой смыслъ — и обѣ сливаются въ высшемъ единствѣ, имя которому — превращеніе военнаго кризиса въ кризисъ революціонный.

То же относится и къ лозунгу борьбы за демократическій миръ. И этотъ лозунгъ пріобрѣтаетъ весь свой смыслъ и теряетъ маниловскій оттѣнокъ, когда онъ неотдѣлимъ отъ лозунга безпощадной, революціонной борьбы противъ всѣхъ тѣхъ элементовъ современнаго строя, въ которыхъ воплощены антидемократическія начала.

Наконецъ и лозунгъ „ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ“, если не вставить его въ общую перспективу превращенія в н ѣ ш н я г о кризиса въ кризисъ в н у т р е н н і й, претерпитъ ту же метаморфозу: его содержаніе измельчаетъ и станетъ вульгарнымъ, мѣщански-пошлымъ. „Ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ“ тогда будетъ означать просто на просто: возвратъ къ status quo, къ тому самому положенію, послѣднимъ словомъ котораго и явилась война. Но менѣе, чѣмъ кто либо, мы склонны къ тому, чтобы будущій миръ былъ лишь простой передышкой, перемиріемъ, послѣ котораго опять начнется все та же „сказка про бѣлаго бычка“. И вотъ почему мы не можемъ предоставить правящимъ классамъ развязываніе того узла, который они завязали; вотъ почему огромныя всенародныя силы, приведенныя въ движеніе этой войной, мы хотимъ направить на то, чтобы выбросить за бортъ исторіи виновниковъ войны — но в с ѣ х ъ виновниковъ, а не только тѣхъ, которые „первые начали“..

„Ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ“ — это должно означать: пораженіе правительствъ отъ руки возрожденной „третьей силы“. И нельзя подмѣнять его формулой „пораженіе своего правительства въ имперіалистской войнѣ“. Ибо послѣднее означаетъ — побѣду другого, столь же враждебнаго трудовой демократіи правительства, въ той же войнѣ. Но этого желать, не измѣняя себѣ, мы не можемъ. Мы—не узкіе націоналисты навыворотъ, и не слабые духомъ, извѣрившіеся въ собственныхъ силахъ, и потому возлагающіе всѣ надежды на то, что авось нашего врага побьетъ какая нибудь чужая, внѣшняя сила. Ибо не всегда вѣрно,

будто „врагъ нашего врага намъ другъ". Иногда врагъ нашего врага намъ такой же врагъ, съ которымъ нѣтъ мѣста никакому, хотя бы молчаливому примиренію. Схватившіеся въ смертельномъ бою правительства для насъ именно такіе враги; и если въ этомъ бою мы ни одному изъ нихъ въ частности не желаетъ пораженія, то это, во первыхъ, потому, что мы ни одному изъ нихъ въ частности не желаемъ побѣды, а пораженіе одного есть побѣда другого; во вторыхъ же потому, что эти побѣды и пораженія покупаются равно за счетъ народной крови. А народная кровь для насъ равно дорога, течетъ ли она изъ нѣмецкихъ или русскихъ, болгарскихъ или сербскихъ венъ и артерій.

Но всѣмъ этимъ правительствамъ мы желаемъ пораженія—на внутреннемъ гражданскомъ фронтѣ! И вотъ почему безбоязненно, не обращая вниманія на яростные возгласы патріотовъ, мы идемъ—къ разрушенію гипноза внѣшняго фронта и къ возрожденію фронта внутренняго!

КОМУ НАЧАТЬ?

Когда разразилась война, и дирижирующіе классы всякой страны еще далеко не были увѣрены въ томъ, какъ поведетъ себя отечественный рабочій классъ и отечественная соціалистическая партія, то было найдено безошибочное средство парализовать всѣ попытки сопротивленія мобилизаціи. Это средство было — созданіе атмосферы крайней общественной паники.

Опасность войны, вмѣстѣ съ длительнымъ періодомъ, когда всѣ жили подъ дамокловымъ мечемъ катастрофы, когда надежды на благопріятный исходъ смѣнялись самыми тревожными извѣстіями и обратно, — уже сама по себѣ доводила общественную нервность до высшаго напряженія. Раздуть ее до размѣровъ какого то общенароднаго психоза — поставила себѣ задачей такъ называемая „большая пресса". Эта большая пресса оказалась въ критическій моментъ самымъ опаснымъ и вѣроломнымъ врагомъ рабочаго класса, самымъ сильнымъ оружіемъ въ рукахъ ловкихъ фабрикантовъ общественнаго мнѣнія. На помощь ей пришли мѣры правительства: закрывъ границу для газетъ враждебной страны и создавъ атмосферу неосвѣдомленности, въ

которой открылся обширнѣйшій просторъ для тревожныхъ слуховъ, эксплуатирующихъ легковѣріе улицы и поражавшихъ ея воображеніе фантомами заговора противъ самаго существованія страны со стороны коварныхъ сосѣдей, переполненія страны иностранными шпіонами и т. п. Страхъ передъ иностранцами, шпіономанія, ненависть къ предательски-агрессивному сосѣду и т. п. психозы положительно отравили душу массъ, и въ этой нездоровой психической средѣ успѣшная борьба противъ чудовищнаго обмана оказывалась почти невозможной. И въ результатѣ создалась единственная въ своемъ родѣ трагикомическая аберрація: по обѣ линіи военнаго фронта, въ „тылу“ его, одинаково вѣрили, что сдѣлались жертвой вѣроломнаго, внезапнаго и хищнаго нападенія безчестнаго врага, противъ котораго остается лишь защищаться до послѣднихъ силъ, какъ противъ вторгнувшагося ночью въ домъ, готоваго на все разбойника.

Выступленія пролетаріата противъ войны, противъ мобилизаціи связаны съ одной огромной трудностью. Основнымъ необходимымъ условіемъ ихъ является п р а в и л о в з а и м н о с т и. Если по одну сторону границы пролетаріатъ, какъ одинъ человѣкъ, встанетъ противъ войны и разстроитъ весь механизмъ мобилизаціи, а по другую сторону пролетаріатъ, какъ одинъ человѣкъ, вскинетъ ружье на плечо и маршъ-маршемъ двинется въ походъ, — то окажется, что революціонно настроенный пролетаріатъ сдѣлалъ вовсе не революціонное дѣло, а просто на просто сыгралъ на руку чужеземному насильнику.

Была ли въ началѣ войны увѣренность въ томъ, что смѣлый починъ въ этомъ направленіи одной страны не останется безъ послѣдователей въ другихъ? Увы, ея не было. Ея не было во-первыхъ потому, что иныя изъ національныхъ секцій Интернаціонала — и прежде всего нѣмецкая — еще до войны болѣе, чѣмъ скептически, относились къ возможности поднять „войну противъ войны“ до высоты непосредственно революціонныхъ массовыхъ выступленій. Ея не было, во-вторыхъ, потому, что всѣ рѣшенія интернаціональныхъ конгрессовъ по этому вопросу были расплывчаты, туманны и дипломатично-неопредѣленны. Ея не было, въ третьихъ, потому, что въ атмосферѣ общественной паники быстро надорвалось взаимное довѣріе между

разными національными отдѣлами Интернаціонала, смѣнившись взаимной подозрительностью и недовѣріемъ...

Едва ли не всѣ соціалистическія партіи, въ большей или меньшей мѣрѣ, оказались не сдержавшими своихъ „аннибаловыхъ клятвъ“ борьбы на жизнь и смерть противъ буржуазіи и имперіализма. И каждая изъ нихъ немедленно не только подхватывала всякій признакъ того, что пролетаріатъ „враждебной“ страны оказался ие на высотѣ положенія, но и охотно преувеличивала его, доводила въ своемъ воображеніи до геркулесовыхъ столбовъ, находя въ созерцаніи чужого „отступничества“ извиненіе и даже оправданіе своимъ собственнымъ слабостямъ и паденіямъ.

Затяжная военная катастрофа, кровавый хаосъ, которому не видно ни конца, ни краю — былъ расплатой за это революціонное банкротство современнаго пролетаріата.

„Разъ войну не удалось предупредить, дѣлать нечего: приходится воевать“—сказали себѣ почти всѣ. И съ „помертвѣлой душой“ принялись приносить жертвы на алтарѣ бога войны.

Логика странная. Логика не политическихъ борцовъ, а вульгарныхъ обывателей.

Да, войну не удалось предупредить. Что изъ этого слѣдуетъ? Да только то, что — увы! современный соціализмъ и современный пролетаріатъ, оказывается, нуждались въ жестокомъ кровавомъ урокѣ войны, чтобы понять, насколько безсильна прежняя позиція — словесно-платоническихъ протестовъ, робко останавливающихся передъ настоящимъ революціоннымъ дѣйствіемъ. Со своимъ вѣчнымъ отвращеніемъ къ риску, боязнью отвѣтственности за жертвы, страхомъ за существованіе своихъ организацій, фондовъ, прессы, профессіональныхъ кассъ и культурныхъ учрежденій, пролетаріатъ повсюду кинулся на дѣлѣ „отъ дождя да въ воду“: пошелъ навстрѣчу колоссальнѣйшему организаціонному кризису и колоссальнѣйшимъ потерямъ, только не за свое, а за чужое дѣло, не подъ своими, а подъ чужими знаменами...

Нужно, однако, усвоить себѣ слишкомъ пессимистическій взглядъ на массы, какъ на безнадежное стадо, чтобы a priori считать ихъ отрезвленіе подъ вліяніемъ горькаго опыта войны невозможнымъ, и потому поставить крестъ

надъ возрожденіемъ „третьей силы“ международнаго рабочаго движенія...

* * *

Жизнь береть свое. Всѣ противорѣчія существующаго хозяйственнаго строя вообще въ послѣднее время явно шли къ своему обостренію. Политическая жизнь Европы вообще обнаруживала тенденцію выскакивать изъ спокойной, наѣзженной колеи и прокладывать себѣ дорогу „напрямки“, „цѣлиной“. Исключительный легализмъ добраго стараго времени трещалъ уже по всѣмъ швамъ. Шли исканія новыхъ методовъ „непосредственнаго дѣйствія“ и открытыхъ массовыхъ внѣпарламентскихъ выступленій. Тѣсно становилось внутри національныхъ рамокъ капиталу, тѣсно становилось внутри легальныхъ рамокъ пролетаріату. Капиталъ готовъ былъ распрощаться съ состояніемъ внѣшняго, международнаго мира, пролетаріатъ — съ состояніемъ мира внутренняго. Сама война была ничѣмъ инымъ, какъ грандіознымъ скачкомъ изъ мирной эпохи — въ катастрофическую.

На одинъ моментъ пролетаріатъ былъ вовлеченъ въ круговоротъ буржуазно имперіалистической авантюры и потерялъ сознаніе обостренія своихъ классовыхъ отношеній съ буржуазіей. Даже болѣе того: онъ торжественно отрекся на время отъ своего поста на „внутреннемъ фронтѣ“ и заключилъ перемиріе съ „господами положенія“. Но подъ этимъ перемиріемъ нѣтъ внутренняго базиса, оно вызвано исключительно паникой передъ внѣшней опасностью. Болѣе того, война и ея послѣдствія придаютъ особую интенсивность начавшемуся передъ ней обостренію соціальныхъ антагонизмовъ. На одномъ полюсѣ она вызываетъ скандальный ростъ прибылей, горячку спекуляціи, выгоднаго помѣщенія денегъ въ займы, поставки, подряды — какую то бѣшеную скачку милліоновъ. На другомъ полюсѣ она накопляетъ бѣдствія, лишенія, нищету семей, оставшихся безъ „кормильцевъ“, власть ростовщичества и невѣроятно растущую дороговизну жизни, ставящую лицемъ къ лицу съ кошмарнымъ призракомъ голода.

Война оказалась въ меньшей степени „всеобщей катастрофой“, чѣмъ того ожидали. Эластичность и приспособляемость современнаго капитализма, съ помощью всесто-

ронняго правительственнаго вмѣшательства ради хозяйственной „мобилизаціи тыла“, справились съ затрудненіями. Въ извѣстныхъ отрасляхъ производства накопленіе капиталовъ получило даже новый, небывалый толчекъ и достигло сказочной быстроты. Но послѣдній секретъ этой эластичности заключается въ самомъ крайнемъ истощеніи жизненныхъ рессурсовъ массъ. Медленно, но вѣрно подкапывается такимъ образомъ жизнь подъ искусственно созданное „единеніе классовъ“. Глухое недовольство, сдержанный ропотъ, смутное озлобленіе еще сдерживаются, еще сдавливаются гипнозомъ фронта. Но вѣдь скрытая напряженность ихъ, накопляясь и не находя никакого выхода, только возростаетъ. Рано или поздно они угрожаютъ разразиться взрывомъ.

Чтобы избѣжать этого взрыва, господствующіе классы должны поддерживать въ массахъ паническій ужасъ передъ неблагопріятнымъ исходомъ войны. И это нетрудно. Величина міровой катастрофы, количество ангажированныхъ въ ней государствъ, численность дѣйствующихъ на фронтѣ войскъ — все это на первый взглядъ внушаетъ мысль о томъ, что выгоды побѣды и невыгоды пораженія по своей громадности будутъ соотвѣтствовать громадности затраченныхъ усилій. Не сразу дѣлается ясно, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакого прямого соотвѣтствія, и даже, быть можетъ, есть соотношеніе обратное. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше вовлечено въ борьбу съ обѣихъ сторонъ силъ, тѣмъ труднѣе ихъ совершенно одолѣть. Съ колоссальной абсолютной численностью армій и стоящихъ за ними рессурсовъ — культурно-хозяйственныхъ, денежныхъ, просто человѣческихъ — растетъ ихъ эластичность, сопротивляемость и возстановляемость. И въ то же время современная техника даетъ такъ много козырей обороняющемуся, что всякое, даже самое удачное и побѣдоносное наступленіе неизбѣжно быстро выдыхается, и нарушенное равновѣсіе возстановляется снова. Правда, это не мѣшаетъ фантазерамъ и неврастеникамъ штыкъ-патріотизма проповѣдовать борьбу до конца, до полнаго разгрома противника, и даже, потрясая бутафорскими громами уличной журналистики, требовать „раздѣла“ его страны. Имъ не препятствуютъ, считая, что ихъ безотвѣтственные выкрики могутъ „поднять духъ“ населенія. Съ другой стороны, такими же выкриками вра-

ждебной журналистики пользуются, чтобы поддерживать въ странѣ священный страхъ передъ побѣдой непріятеля и готовность все принести въ жертву, чтобы только избѣжать ея ужасовъ. На самомъ же дѣлѣ изъ настоящихъ политическихъ дѣятелей никто ни тѣхъ, ни другихъ выкриковъ въ серьезъ не принимаетъ. Для всѣхъ ясно, что если въ концѣ концовъ побѣда и склонится на одну сторону, то она выйдетъ не полной и не безусловной, а менѣе, чѣмъ половинчатой. И дрижирующіе слон стараются отдалить тотъ моментъ, когда придется сознаться, каждымъ передъ своей страной, что все это непомѣрное кровопролитіе въ сущности велось „въ пустую“...

Долго ли еще смогутъ они скрывать эту убійственную для нихъ истину отъ вѣроподданнаго „стада“? Долго ли массы останутся въ состояніи пассивной, „людской пыли“? Кому выпадетъ на долю „проломить ледъ“?

Паника еще не исчезла, ядовитые міазмы взаимнаго недовѣрія и подозрительности еще не разсѣялись. Какъ ни ясно, что терпѣніе массъ повсюду искушалось слишкомъ долго, что оно вездѣ на исходѣ, однако, трудовой демократіи каждой страны все еще боязно „начать первой“, — а что, какъ останешься одинокой и только сыграешь въ руки внѣшнему врагу? Но вѣдь кому нибудь начать первому все таки нужно. Ждать, чтобы началъ не я, а кто нибудь другой и, подобно двумъ щедринскимъ помпадурамъ, сидѣть другъ противъ друга на споръ, кто первый сморгнетъ — какая картина можетъ быть болѣе ребяческой, смѣшной и жалкой?

Когда во всей Европѣ медленно, но вѣрно назрѣваетъ революціонная ситуація, попробовать гдѣ нибудь „проломить ледъ“, конечно, есть извѣстный рискъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ и огромная историческая честь. Кто ничѣмъ не рискуетъ въ критическіе моменты, тотъ ничего и не выигрываетъ. Но что можетъ быть возвышеннѣе и почетнѣе, чѣмъ сыграть въ данный моментъ ту роль, которую когда то по отношенію ко всей Европѣ играла Франція — роль фермента всеевропейскаго преобразованія, роль смѣлаго иниціатора, своимъ примѣромъ приводящаго въ движеніе другіе народы? Какая миссія можетъ быть славнѣе и притягательнѣе этой?

Кто же начнетъ? Не Англія, на которой меньше всего отразились отрицательныя послѣдствія войны и слабѣе обострились отношенія классовъ. Вѣроятно, и не Франція, которая не вполнѣ очнулась отъ своего затяжного декаданса и разучилась итти во главѣ всеевропейскаго движенія. И не Германія, которая все, что дѣлаетъ, дѣлаетъ основательно, но которой всегда не хватало революціонной инициативы, и которая вѣчно нуждалась въ толчкѣ со стороны...

Кто же дастъ этотъ толчокъ? Почемъ знать — быть можетъ, Россія.

Въ ней незакончена, оборвана, вогнана внутрь революціонная встряска 1905-06 года; въ ней контръ-революція копила долго и настойчиво вѣковыя неразрѣшенныя соціальныя и политическія проблемы; въ ней упорство обанкротившейся и въ военномъ дѣлѣ бюрократіи создаетъ недовольныхъ даже тамъ, гдѣ она могла бы разсчитывать найти своихъ естественныхъ союзниковъ: въ ней общая дезорганизація, административная анархія и полная свобода всякой спекуляціи и всякаго хищничества способны обострить внутренній кризисъ и броженіе въ такой степени, что они прорвутся съ силою элементарной стихіи, которую не успокоютъ никакими заговорами и заклинаніями ..

Что же дѣлать при такихъ условіяхъ русской трудовой демократіи, что дѣлать соціалистическимъ партіямъ? Неужели трусливо упираться, неужели позволять безвѣрію и паникѣ овладѣть собою до полнаго паралича воли? Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Но броситься въ потокъ событій съ готовностью и рѣшимостью настоящихъ революціонеровъ, и съ твердою вѣрою въ то, что революціонное потрясеніе такой огромной и великой страны, какъ Россія, не можетъ остаться безъ отклика въ потрясенной міровою катастрофою Европѣ, не можетъ не оказать самаго могучаго заразительнаго дѣйствія на трудовыя массы всѣхъ странъ. Если даже въ относительно спокойное первое десятилѣтіе новаго вѣка русскій революціонный взрывъ 1905 г. повсюду вызвалъ отвѣтный подъемъ политическаго броженія массъ, то насколько же подготовленнѣе этотъ сочувственный резонансъ теперь, когда подъ ногами правящихъ классовъ

уже колеблется почва, минированная хозяйственной разрухой и взбудораженная экспериментами „военнаго соціализма“?

И какъ же не пойти этимъ единственно достойнымъ путемъ, когда кромѣ него есть еще только одинъ путь — пассивнаго подчиненія стихіи, паралича собственной дѣятельной воли и фактическаго отказа отъ своей духовной сущности, отъ своей соціально-революціонной миссіи?

ИМПЕРАТИВЫ МОРАЛИ И ИМПЕРАТИВЫ ЖИЗНИ

Когда мы, интернаціоналисты, въ данный историческій моментъ предъявляемъ максимальныя революціонныя требованія къ нѣмецкой секціи Интернаціонала, мы учитываемъ при этомъ, между прочимъ, и болѣе благопріятное стратегическое положеніе Германіи въ настоящей фазѣ войны. Германія ведетъ въ Европѣ войну почти исключительно на чужой территоріи. Это — обстоятельство очень важное, даже болѣе важное, чѣмъ то, что Германія „первая начала“, первая нарушила миръ и зажгла всеевропейскій пожаръ. Болѣе важное, потому что настоящее фактически существеннѣе прошлаго. Кто непосредственно началъ войну—это вопросъ въ значительной степени формальный, и отвѣтъ на него требуетъ постановки еще болѣе важнаго дополнительнаго вопроса — кто всей своей политикой эту войну подготовлялъ, кто дѣлалъ ее исторически неизбѣжной. Въ этой общей, коллективной отвѣтственности непосредственная отвѣтственность „начавшаго“ становится лишь частностью — не говоримъ, несущественной частностью, но все же частностью. Этого мало. Тѣ, кто формально подверглись нападенію, могутъ воспользоваться — и обычно пользуются—этимъ поводомъ, чтобы поставить себѣ въ войнѣ завоевательныя цѣли — хотя бы подъ невинной внѣшностью стратегическихъ „гарантій“ противъ будущихъ нападеній или „компенсацій“ за военные протори и убытки. Это еще болѣе стираетъ разницу между „напавшимъ“ и „подвергшимся нападенію“, ставя послѣдняго въ принципіальномъ отношеніи на одинъ уровень съ первымъ. Въ этомъ случаѣ фактъ „перваго нападенія“ можетъ къ концу войны пріобрѣсти характеръ чего то, со-

хранящаго лишь историческое, а не практическое значеніе. Этотъ фактъ устанавливаетъ лишь нѣкоторую прошлую „прибавочную виновность“ одного изъ воюющихъ буржуазныхъ правительствъ,—разность порядка чисто-количественнаго, но отнюдь не качественнаго.

Другое дѣло — болѣе благопріятное стратегическое положеніе одной изъ воюющихъ сторонъ. Хотя оно и не имѣетъ прямого отношенія къ вопросу объ „отвѣтственности“ и „виновности“, за то оно составляетъ весьма существенное въ практическомъ смыслѣ обстоятельство: оно создаетъ извѣстное „привиллегированное положеніе“ одной изъ сторонъ. Соціалистическая партія данной страны получаетъ возможность большей свободы дѣйствій. Ея политическіе противники не могутъ морально зажимать ей ротъ ссылкой на критическое положеніе націи, на непосредственно грозящую ей гибель. Съ другой стороны, стратегическіе успѣхи имѣютъ то свойство, что разжигаютъ всѣ захватническіе аппетиты. Потенціально всѣ буржуазныя правительства не прочь, конечно, поживиться на чужой счетъ; но фактически не всѣ эти аппетиты равно опасны. Тамъ, гдѣ „охота смертная, да участь горькая“, даже борьба противъ аннексіонныхъ проэктовъ не такъ остро-необходима, какъ тамъ, гдѣ „охота“ не обуздывается „участью“.

Если мы вообще призываемъ соціалистовъ всѣхъ странъ не поддаваться гипнозу буржуазныхъ воплей объ „отечествѣ въ опасности“ и не отбрасывать въ сторону, даже временно, своего соціализма и своего непримиримаго отношенія къ буржуазнымъ и полуабсолютистскимъ государствамъ, то тѣмъ съ большимъ правомъ можемъ мы требовать этого отъ соціалистовъ государства, которое въ стратегическомъ отношеніи заняло роль скорѣе молота, чѣмъ наковальни. Кому исторіей въ данный моментъ „больше дано“ возможностей, съ того, естественно, „болѣе и взыщется“.

Такимъ образомъ мы не трактуемъ бельгійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ, сербскихъ соціалистовъ совершенно одинаково, не считаясь съ конкретными различіями ихъ положенія. Нѣтъ, мы учитываемъ всѣ реально существующія различія и дѣлаемъ изъ нихъ всѣ логи-

ческіе выводы. Но мы отказываемся хвататься за любое количественное, или за любое формальное различіе, чтобы возвести его въ рангъ чего то, кладущаго принципіальную пропасть между соціалистическими партіями разныхъ странъ, и дѣлающими для однихъ похвальнымъ и одобрительнымъ все то, что для другихъ считается ненормальнымъ и предосудительнымъ...

Какъ же быть съ вопросомъ о томъ, кому начать открытыя выступленія противъ войны? Кому взять на себя рискъ, связанный съ опасностью, что во „враждебныхъ" странахъ эта иниціатива не найдетъ подражанія?

Съ моральной стороны было бы естественно, чтобы этотъ рискъ взяла на себя трудовая демократія той страны, чье стратегическое положеніе на театрѣ войны въ данный моментъ наиболѣе благопріятно. Тѣмъ болѣе, если это — та же самая страна, которая и формально несетъ на себѣ отвѣтственность за первый шагъ къ непосредственному нарушенію мира. Мы вправѣ ждать отъ товарищей-интернаціоналистовъ такой страны меньше всего колебаній, больше всего рѣшительности, полнѣе всего готовности искупить свою первоначальную растерянность, пассивность и капитуляцію...

Но моральной стороной дѣло не исчерпывается. Моральный императивъ — великое дѣло. Онъ можетъ и долженъ опредѣлить собою устремленіе воли данной партіи или общественной группы. Но воля, хотя бы и коллективная, еще не деміургъ исторіи. Ей приходится считаться съ многимъ, слишкомъ многимъ въ окружающихъ условіяхъ, въ настроеніи периферіи, въ историческомъ наслѣдіи прошлаго.

„Burgkrieg, nicht Burgfrieden ist die Losung!" — смѣло гласитъ одно изъ писемъ Карла Либкнехта къ товарищамъ по направленію. И этотъ лозунгъ — замѣны въ Германіи гражданскаго мира гражданской войной — подхваченъ всѣми его сторонниками, которыхъ становится все больше и больше. Ясно, такимъ образомъ, что въ желаніи и готовности къ искупительной борьбѣ тамъ нѣтъ недостатка. Но отъ чаши до устъ еще есть какое то разстояніе, которое нужно пройти.

Надо разрушить настроеніе улицы, опьяненной блескомъ воинскихъ подвиговъ и побѣдъ германскаго оружія. Надо преодолѣть привычки умѣренности и аккуратности, свойственныя рабочему классу страны, лишенной историческихъ революціонныхъ традицій Надо парализовать вліяніе партійной бюрократіи, взявшей патріотическій курсъ и сильной своимъ традиціоннымъ вліяніемъ и привычной дисциплинированностью рядовыхъ партіи. Надо преодолѣть сопротивленіе „сливокъ“ рабочаго класса, его аристократическихъ, квалифицированныхъ слоевъ, слишкомъ тѣсно связавшихъ свои интересы съ интересами національнаго капитализма.

Моральная готовность товарищей-интернаціоналистовъ среди нѣмецкой соціальдемократіи можетъ достигнуть самой высокой степени напряженія. Но ростъ в о з м о ж н о с т е й прямого, открытаго массоваго дѣйствія идетъ своимъ чередомъ, внѣ прямого соотвѣтствія со степенью этой напряженности. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что съ начала войны до настоящаго времени лѣвая оппозиція среди германской соціальдемократіи совершала съ необыкновенною быстротой одно завоеваніе за другимъ. Вмѣсто разрозненныхъ одиночекъ она уже представляетъ собою серьезную силу, повсемѣстно оспаривающую у партійнаго большинства всѣ его позиціи. Но именно потому, что лѣвая оппозиція имѣетъ такіе серьезные шансы на успѣхъ, ей приходится слушаться не только голоса моральнаго долга; но еще болѣе — обдуманнаго стратегическаго разсчета. Мало имѣть на своей сторонѣ высшую морально политическую правоту: нужно найти съ нею наиболѣе легкую дорогу къ сердцамъ массъ. При извѣстномъ переходномъ состояніи массъ такъ же легко оттолкнуть ихъ неосторожнымъ поступкомъ, какъ привлечь на свою сторону пониманіемъ ихъ психологіи и должнымъ тактомъ.

И вотъ почему было бы глубоко неправильно закрывать глаза на всѣ трудности, стоящія въ Германіи передъ лѣвыми интернаціоналистами, и, встав на формальную точку зрѣнія, требовать отъ нихъ самаго рѣзкаго „оказательства“ своей враждебности нынѣшнему курсу, а до тѣхъ поръ — отказываясь имъ вѣрить или имѣть съ ними дѣло. Не за-

бывайте, что именно про такой моральный формализмъ сказано: „summum jus — summa injuria“.

Такой моральный формализмъ былъ бы оправданъ лишь въ томъ случаѣ, если бы лѣвая нѣмецкая оппозиція дала поводъ сомнѣваться въ своей искренности. Но этого нѣтъ. Любой интернаціоналистической оппозиціи можно только пожелать проявить такую же энергію, какъ нѣмецкая. Она уже фактически разрушила состояніе „гражданскаго мира“. Она заставляетъ партійное правленіе — подъ страхомъ совершенно оттолкнуть отъ себя массы — заговорить почти революціоннымъ языкомъ въ вопросѣ о вздорожаніи жизни и о коммерческой спекуляціи. Она принудила къ „равненію налѣво“ значительную часть партійнаго болота. Лидеръ послѣдняго, Карлъ Каутскій, уже считаетъ возможнымъ поставить вопросъ — да полно, можетъ ли нынѣшнее большинство продолжать считать себя большинствомъ и законно представлять партію? Не помѣнялось ли оно съ меньшинствомъ мѣстами въ смыслѣ численности и вліянія? Наконецъ, лѣвая оппозиція понемногу опять пріучила нѣмецкихъ рабочихъ къ пріемамъ и методамъ стараго времени: къ выпуску нелегальныхъ листковъ и прокламацій, къ устройству тайныхъ собраній, вообще къ демонстративно-явочнымъ дѣйствіямъ.

И вотъ почему, если другія условія создадутъ возможность „начать“ въ какой-нибудь иной странѣ, — въ ней необходимо будетъ начать, отбросивъ въ сторону всякое „мѣстничество“, съ твердою вѣрой въ то, что за откликомъ со стороны нѣмецкихъ „лѣвыхъ“ дѣло не станетъ...

II.

Стратегическое положеніе на второмъ году войны для Россіи особенно неблагопріятно. Казалось бы на первый взглядъ, что при такихъ условіяхъ въ ней нужно совершенно отказаться отъ всякой революціонной иниціативы, предоставивъ ее странамъ, находящимся въ болѣе счастливыхъ стратегическихъ условіяхъ.

И однако, это только на первый взглядъ. На дѣлѣ же, напротивъ, именно второй годъ войны принесъ съ собою въ Россіи такое обостреніе внутренняго положенія, что вопросъ грозитъ стать вовсе не въ формѣ — „вызывать“

или „не вызывать“ революціоннаго броженія, а въ формѣ совершенно иной: гдѣ наше мѣсто — въ сторонѣ ли отъ этого броженія, которое не можетъ не совершаться, или же среди него?

Патріотическая тревога за судьбу „подвергшагося вражескому нападенію“ отечества — вотъ что казалось главнымъ препятствіемъ для какого либо движенія, способнаго вызвать „внутреннюю смуту“. Но вотъ именно въ Россіи дѣла повернулись такимъ образомъ, что наиболѣе пламенные и безудержные патріоты стали вопіять: „Долой царское правительство и да здравствуетъ народная оборона страны!“, „Нужно во имя спасенія родины, н е м е д л я н и м и н у т ы, в ы р в а т ь в л а с т ь у преступнаго царскаго правительства!“*).

Въ самомъ дѣлѣ, трудно переоцѣнить значеніе того факта, что болѣе чѣмъ годичнымъ опытомъ войны полное и всестороннее банкротство нынѣшняго русскаго режима доказано съ полной неопровержимостью.

Въ области высшаго командованія арміей современный режимъ проявилъ свое полное банкротство, подчинивъ интересы организаціи арміи—интересамъ династическимъ. Онъ поставилъ во главѣ всѣхъ вооруженныхъ силъ страны властную, грубую и упрямую великокняжескую посредственность, по капризу которой талантливые, но самостоятельные генералы отправлялись въ опалу, какъ Рузскій, или не имѣли ходу, какъ Эвертъ, а герои карательныхъ усмиреній, придворные интриганы и карьеристы, вродѣ Ренненкампфа и Сиверса, могли въ легкомысленныхъ военныхъ авантюрахъ безсмысленно губить десятки тысячъ солдатскихъ жизней.

Въ области собственно военныхъ дѣйствій тотъ же режимъ вмѣшивался дезорганизаторски, принося интересы с т р а т е г і и въ жертву интересамъ п о л и т и к и. Прошлогодняя кампанія полна такими примѣрами. Лембергская побѣда была неиспользована, потому что одержавшая побѣду армія русскаго лѣваго крыла, вмѣсто того, чтобы дви-

*) Я намѣренно характеризую позицію этой части патріотовъ ихъ собственными, подлинными словами, заимствуя ихъ у М о к р у н о в а, изъ № 3 газеты „Призывъ“.

нуться — какъ требовали лучшіе генералы — въ тылъ вошедшимъ съ юга въ Польшу арміямъ Данкля и Ауффенберга, и покончить съ „живой силой“ противника, — была употреблена, по приказу свыше, на всестороннюю оккупацію Галиціи, чтобы скорѣе поразить всѣхъ громкимъ извѣстіемъ о высвобожденіи „Подъяремной Руси“, а подъ рукой искоренить все національно-русинское въ этомъ „Украинскомъ Пьемонтѣ“. Позднѣе, въ то самое время, когда надъ польскимъ расположеніемъ войскъ уже сгущались зловѣщія тучи — русскія войска, въ той же погонѣ за внѣшними успѣхами, которые должны были склонить на нашу сторону Балканскія государства, безплодно истощались на неимовѣрно трудной задачѣ форсированія Карпатъ, за которымъ виднѣлся безумный миражъ вторженія въ Венгрію. Еще позже едва не была погублена вся армія, которой, ради поддержанія престижа царизма, до послѣдней крайности медлили отдать приказъ объ отступленіи изъ-подъ Варшавы, и этой политикой оттяжекъ превратили стратегическій отходъ въ полное частичныхъ катастрофъ спѣшное отступленіе.

Въ области военно-технической подготовки банкротство современнаго режима ярко выразилось въ томъ, что армія и вся страна были внезапно поставлены передъ сюрпризомъ — полнаго истощенія военныхъ припасовъ, послѣ того, какъ еще наканунѣ они расточались широко и свободно, въ увѣренности, что мы къ войнѣ „готовы, архи-готовы“, какъ увѣряли насъ отвѣтственные министры и безотвѣтственные патріотическіе писаки.

Въ области „организаціи тыла“ правительство проявило свою полную безпомощность, если только это возможно, еще ярче, еще рельефнѣе. Въ моментъ объявленія войны представители всѣхъ народностей Россіи слились въ одномъ порывѣ лойяльности. Хозяйничаньемъ въ Галиціи, третированьемъ украинцевъ, предательской политикой по отношенію къ армянамъ, фальшивымъ заигрываніемъ съ поляками, искорените льными мѣрами противъ евреевъ правительство уничтожило остатки этого перваго настроенія. Въ моментъ объявленія войны разныя партіи готовы были заключить временное перемиріе. Системой военныхъ положеній, диктатуры, цензурныхъ неистовствъ, расширенія

чрезвычайныхъ правъ губернаторовъ и всей остальной самодурной провинціальной администраціи оно создало разочарованную подавленность и недовольство даже обывательской части населенія. Потворствомъ всѣмъ видамъ хищничества и спекуляціи оно привело къ полной хозяйственной дезорганизаціи страны, въ которой развернулись, одинъ за другимъ, дровяной, угольный, сахарный, хлѣбный и т. п. другіе виды голода. Опоздавъ съ „мобилизаціей промышленности“ и создавъ, подъ прикрытіемъ этого громкаго слова, лишь выгодное распредѣленіе казенныхъ заказовъ между „крупными рыбинами“ нашей индустріи, да невыносимый каторжный режимъ на фабрикахъ и заводахъ, оно само провоцировало броженіе въ рабочихъ кварталахъ.

Въ области внѣшней политики, которая должна была помогать военной стратегіи, современный режимъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, принялся подрубать тотъ сукъ, на которомъ ему приходится сидѣть. Неумѣренными аппетитами и хозяйничаньемъ въ занятыхъ территоріяхъ онъ оттолкнулъ отъ себя симпатіи нейтральныхъ націй, и вызвалъ охлажденіе и недовѣріе со стороны союзниковъ; притязаніями на Константинополь онъ оттолкнулъ отъ союзниковъ и бросилъ въ объятія враговъ мелкія балканскія государства; даже внутри союзническихъ странъ онъ компрометтировалъ дѣло правительствъ, которымъ приходилось имѣть дѣло съ Россіей, какъ съ союзникомъ.

При такихъ условіяхъ нужно было имѣть рыбью кровь въ жилахъ, чтобы, несмотря ни на что, оставлять судьбы Россіи въ этой войнѣ ввѣренными въ руки царскаго правительства.

При такихъ условіяхъ нужно было имѣть рыбью кровь въ жилахъ, чтобы сносить гибельное хозяйничанье этого правительства и откладывать сведеніе съ нимъ счетовъ „до послѣ побѣды“...

„Вотъ погодите, только управимся съ нѣмцами, а потомъ раздѣлаемся съ вами разъ навсегда!“—съ сосредоточенной, холодной злобой говорили за послѣднее время въ Россіи — и въ „тылу арміи“, и въ самой арміи.

„Нѣтъ никакого терпѣнья, нѣтъ никакой возможности— надо, не медля ни минуты, выкинуть за бортъ всю эту клику—иначе не сдвинуться съ мели“—заговорили сейчасъ.

Все это — признаки времени. Все это свидѣтельства того, что заря второй русской революціи ближе, чѣмъ многіе думаютъ. Она пріобрѣтаетъ сейчасъ друзей даже тамъ, гдѣ еще вчера о ней не хотѣли и слышать.

Надо лишь, чтобы вчера еще чужіе революціи, нынѣ „примкнувшіе“ къ ней, не извратили ея существа, не привели къ ея шовинистическому вырожденію.

А въ этомъ смыслѣ чреватъ большими опасностями модный лозунгъ: „Революція для побѣды!“.

Революція—отвѣчаемъ мы—больше побѣды. И потому унижаютъ ее всѣ тѣ, кто ее хотятъ превратить въ простое средство для посторонняго характера цѣли.

Посторонняго—сказали мы. Ибо возможно, что послѣ революціи не потребуется и побѣды: она сама будетъ побѣдой — побѣдой мира надъ войною.

Царская Россія — ненавистна массамъ германскаго, австрійскаго, болгарскаго населенія. Даже соціалистовъ удалось склонить въ Германіи и Австріи къ „гражданскому миру“, запугавъ ихъ кошмаромъ „казацкой опасности“, режима „кнута и нагайки“. Но что придастъ имъ силу сражаться, если на мѣсто царской Россіи станетъ Россія революціонная?

Трудовая демократія Англіи и Франціи, столь же запуганная опасностью милитаризма Гогенцоллерновъ, какъ нѣмецкая трудовая демократія — царской опасностью, смотритъ сейчасъ на союзъ съ царизмомъ, какъ на неизбѣжное зло, какъ на фатально-навязанный судьбою, хотя и постыдный компромиссъ. Этотъ союзъ сейчасъ тянетъ ихъ ко дну, заставляетъ погрязать въ болотѣ сдѣлокъ со своей демократической и соціалистической совѣстью.

Революціонная Россія вмѣсто Россіи царской—можетъ и для нихъ стать сигналомъ идейнаго возрожденія!

Революціонная Россія можетъ и должна выступить съ деклараціей, которая объявитъ лишенной смысла дальнѣйшую братоубійственную борьбу „романо-славянскаго“ міра съ „тевтонскимъ“. И если, несмотря на это, ей все же придется „воевать“, то это будетъ уже война не между народами—а война, на общеевропейской аренѣ, народно-революціонныхъ началъ съ контръ-революціонными! И въ этой войнѣ „тевтонскій міръ“ дастъ намъ не только враговъ, но и союзниковъ...

ТРИ МУЖЕСТВА

Война и революція... Эта проблема уже вставала однажды передъ Россіей, хотя и въ существенно иной обстановкѣ, во время русско-японской войны, и была разрѣшена движеніемъ 1905 года. Она встаетъ передъ нами вторично, въ условіяхъ гораздо болѣе сложныхъ и трудныхъ, требующихъ еще большаго напряженія яснаго политическаго сознанія, чувства и воли. Ибо революція — не только тактическая задача. Она вмѣстѣ съ тѣмъ задача морально-психологическая...

Когда я вспоминаю событія великой общественной грозы, отъ которой насъ отдѣляетъ ровно десятилѣтіе, когда я мысленно перелистываю блестящія страницы индивидуальнаго и массоваго героизма, вписанныя ею въ исторію Россіи, и даже болѣе того—въ міровую исторію, то я невольно думаю о томъ, что существуетъ три основныхъ вида мужества, три вида героизма. Два изъ нихъ, полярно-противоположные другъ другу, хорошо извѣстны всѣмъ. Это — мужество вѣры и мужество отчаянія.

Мужество вѣры.. Цѣльной, ничѣмъ не возмущенной, непосредственной вѣры... Подъ его знакомъ прошла вся первая половина движенія того времени. Она была окрашена самымъ свѣтлымъ, самымъ жизнерадостнымъ оптимизмомъ. И какъ было не окрыляться дерзновеннѣйшими надеждами, когда, еще вчера таившееся подъ спудомъ, прятавшееся въ темномъ подпольѣ, движеніе вдругъ вышло на улицы и площади, когда послѣ долгаго нашептыванія на ухо, по маленькимъ рабочимъ кружкамъ, оно вдругъ получило всенародную платформу; когда отъ пряденія то и дѣло обрывающейся нити тайной организаціи оно получило возможность группировать людей явно и открыто, передъ лицомъ растерянной и потерявшей вѣру въ свои силы власти; когда изъ кружковаго оно вдругъ стало всенароднымъ!

Мощно раздавалось на всю Россію смѣлое пророческое слово, разносившее въ всѣ концы евангеліе освобождающей революціи; души и сердца массъ тянулись къ нему, какъ тянется къ живительному солнечному свѣту полураспустившійся полевой цвѣтокъ; невѣдомо откуда брались, заново нарождаясь, народные трибуны, еще вчера не сознававшіе

себя и своей силы; для нихъ самихъ, какъ и для массъ, начиналась въ жизни какая то новая эра, поворотная точка духовнаго преображенія; и, чувствуя себя новыми людьми, рождаясь духовно въ купели революціи, они припадали къ живымъ родникамъ народной свѣжести, духовной непочатости, сырой, дѣвственно-нетронутой силы.

Все казалось такъ близко, такъ возможно... и такъ просто. Вѣра, казалось, творила съ людьми чудеса,—удивительно ли, что она сама бывала вѣрою въ историческое чудо?

Съ силою элементарной стихіи эта вѣра заражала, эпидемически захватывала массы.

Она налетала, какъ вихрь, поднимала разрозненную людскую пыль, крутила, сплетала ее въ циклонъ, въ могучій революціонный циклонъ, который, казалось, вотъ-вотъ начнетъ съ корнемъ вырывать деревья — вѣковыя деревья гнета и эксплуатаціи!

* * *

Но такая вѣра, по самому существу своему, есть ирраціональная сила. И какъ всякая стихійная сила, она имѣетъ свой, отъ разума независящій ритмъ, свои приливы и отливы. Она рождается тамъ, гдѣ величина и сила событій превышаетъ силы человѣческаго сознанія, не даетъ ему овладѣть собою, но сама имъ овладѣваетъ. Вѣра живетъ въ области чудеснаго. Она творитъ чудеса, но и заставляетъ надѣяться на чудеса. Она неизмѣримо растетъ, пока волна событій возноситъ людей на свой пѣнящійся гребень. И она падаетъ, когда съ этого гребня волны ладья революціи стремительно слетаетъ внизъ, въ разверзающуюся водную бездну.

Вѣра исчезаетъ. Мужество вѣры, съ силою массовой заразы охватывающее людей, меркнетъ и тускнѣетъ. О немъ вспоминаютъ, какъ о чемъ то незрѣломъ, естественномъ лишь „на порѣ туманной юности“. Все наивное, неискушенное, ирраціональное, что крылось въ вѣрѣ, выступаетъ наружу, бросается въ глаза. И обезвѣренность порождаетъ душевный столбнякъ и тягостную апатію.

Масса, большинство не можетъ избѣжать этого тупика чувства и воли. Только немногіе, только одиночки, утративъ

мужество вѣры, не утрачиваютъ мужества вообще, но, напротивъ того, еще сильнѣе проникаются другимъ мужествомъ, другимъ героизмомъ—героизмомъ отчаянія.

Мужество вѣры есть стихійная, заразительная, массовая сила. Мужество отчаянія есть сила типически-индивидуальная. Одно родится въ широкомъ, открытомъ общеніи, передается другъ другу, и, словно снѣжный комъ, прокатившись черезъ множество индивидуальныхъ сознаній, вырастаетъ въ могучую, все захватывающую съ собою лавину. Другое живетъ въ тайникахъ души, цѣломудренно скрываясь отъ свѣта, сосредоточиваясь въ себѣ, и въ этой сосредоточенности черпая трагическую рѣшимость, чтобы вдругъ выступить въ актѣ, отмѣченномъ печатью обреченности.

Это чувство переживаетъ знаменоносецъ, который видитъ, что битва потеряна, что все кругомъ падаетъ, что некого собрать подъ изорванное, пронизанное пулями, почернѣвшее отъ порохового дыму знамя,—но который не можетъ покинуть этого знамени, не можетъ перенести, не можетъ пережить того, чтобы имъ на глазахъ его завладѣлъ надмѣнный торжествующій врагъ.

И подъ знакомъ этого героизма отчаянія прошла вторая полоса отдѣленной отъ насъ десятилѣтіемъ поры „бури и натиска“. Героизмомъ отчаянія продиктованы самыя свѣтлыя страницы исторіи того времени, страницы, на которыхъ отдыхаетъ душа отъ зрѣлища общаго упадка, охлажденія, усталости, отступничества и предательства.

Сильнѣе бьется сердце, когда вспоминаешь о тѣхъ, которые видѣли всю неотвратимость торжества побѣдоносной реакціи, но не посторонились покорно и опасливо передъ ея разъяренной лавиной, но сказали себѣ, что она достигнетъ своей цѣли не иначе, какъ перейдя черезъ ихъ трупы.

Въ этихъ людяхъ революція пропѣла свою лебединую пѣснь. Ибо они не могли допустить, чтобы въ послѣднемъ дѣйствіи своемъ великая историческая трагедія перешла въ жалкій фарсъ, чтобы могучая героическая симфонія революціи завершилась слабымъ, дребезжащимъ диссонансомъ...

* * *

И вотъ, мы опять на порогѣ великихъ событій. Какое же мужество одушевитъ насъ, какой героизмъ подниметъ

до уровня тѣхъ задачъ, которыя поставлены передъ нами суровой и требовательной исторіей?

Героизмъ вѣры? Той свѣжей, наивной, неискушенной опытомъ вѣры, которая десять лѣтъ тому назадъ двигала горами и массами?

Нѣтъ. Неповторяемы времена такой стихійной вѣры. И самы мы для нея слишкомъ выросли. И не къ ней располагаетъ траурная дѣйствительность. Слишкомъ холодно и непривѣтливо, подозрительно и полувраждебно глядитъ на насъ она. И удивительно ли? Слишкомъ долго, въ угарѣ всеобщаго воинственнаго опьяненія, приходилось оставленной всѣми революціи сиротливо и одиноко оставаться на заднемъ планѣ, предоставивъ авансцену шумнымъ демонстраціямъ всенароднаго единенія на страхъ внѣшнему врагу. Слишкомъ долго приходилось намъ чувствовать себя чужими всему міру, изолированными, — казалось даже, безнадежно оторванными отъ всѣхъ и всего. И слишкомъ, на первый взглядъ, громадно все несоотвѣтствіе нашихъ слабыхъ силъ съ небывалой грандіозностью разыгрывающихся событій, ворочающихъ и кидающихъ милліонами, какъ жалкими, маленькими щепками. И какъ бы ни были мы глубоко убѣждены, что этотъ психозъ военнаго безумія не можетъ имѣть никакой творческой силы, что послѣднее слово должно остаться не за нимъ, а за нами; какъ бы ни была упорна наша сила и непоколебима наша готовность плыть противъ теченія, — но въ этой готовности не можетъ быть мѣста никакому розовому оптимизму. Не широкія открытыя перспективы сразу растилаются передъ нами; нѣтъ, мы только умомъ знаемъ, мы только воображеніемъ предвкушаемъ тѣ духъ захватывающіе горизонты, которые закрыты отъ насъ узкими ущельями и дѣвственными чащами, которыми лежатъ наши непроложенныя и непроѣзженныя дороги. Всѣ неисчислимыя, отпугивающія слабыхъ трудности—вотъ что прежде всего встаетъ передъ нами, вотъ что заставляетъ прежде всего остановиться въ тревожномъ, холодномъ и суровомъ раздумьи. Нѣтъ здѣсь мѣстъ иллюзіямъ, нѣтъ мѣста самообману. Мы знаемъ, на что идемъ. Мы знаемъ, что тѣ, кто хочетъ вырвать свою родину, и съ нею всю Европу, изъ подъ власти кроваваго военнаго кошмара, прежде всего будутъ оклеветаны,

какъ враги отечества, какъ измѣнники своего народа, быть можетъ, какъ купленные его врагами. И они должны вооружиться непроницаемою нравственною броней той глубочайшей, всепроникающей убѣжденности, которая заглушаетъ всѣ яростные возгласы, всѣ вопли, всѣ проклятія своими властными словами: „блаженны вы, егда поносятъ васъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще мене ради“...

Нѣтъ, героизмъ свѣтлой и безоблачной вѣры — гость иныхъ, непохожихъ на наше, временъ. Такъ какая же сила будетъ геніемъ революціи нашего времени? Быть можетъ, героизмъ отчаянія?

И въ самомъ дѣлѣ, такъ могло казаться, когда впервые налетѣлъ черный смерчъ войны, и какъ карточный домикъ развалился Интернаціоналъ. Одною смутною, невысказанной жаждой забились тогда сердца, жаждой, такъ ярко выраженной въ старыхъ словахъ поэта: „Нужны намъ великія могилы, если нѣтъ величія въ живыхъ“...

И, какъ всегда, эта повелительная потребность народной совѣсти начала творить. Жажда переходила въ ожиданіе, ожиданіе въ надежду, надежда въ вѣру, вѣра въ увѣренность. Рождались слухи, слухи передавались молвой, и слагалась „творимая легенда“. Слишкомъ ясно было, что совѣсть народная должна успокоиться и отдохнуть хотя бы на „чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ“. И невѣдомо какъ, невѣдомо откуда, въ насыщенной электричествомъ ожиданія атмосферѣ родился такой „красный вымыселъ“, красный миѳъ, красная легенда — о разстрѣлѣ отказавшагося идти въ солдаты Карла Либкнехта, объ усмиренной въ крови рабочихъ демонстраціи подъ красными знаменами въ потрясенномъ этимъ событіемъ Берлинѣ. И такъ отвѣчалъ напряженной моральной потребности этотъ миѳъ, что ему сразу повѣрили, и, разукрашиваясь по дорогѣ всякими случайными подробностями, онъ облетѣлъ всю Европу, всюду вызывая вздохъ облегченія. Какъ будто камень сваливался съ души, какъ будто разсѣивался давящій кошмаръ, и съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія люди говорили: нѣтъ, не все еще погибло, еще можно жить, еще стоитъ жить!

Да, то былъ моментъ, когда требовались акты, хотя бы продиктованные однимъ лишь безнадежнымъ героизмомъ отчаянія ...

Но то было вначалѣ. И недаромъ протекли полтора десятка мѣсяцевъ войны. Все это время суровый, отрезвляющій опытъ жизни — „кротъ, который славно роетъ“ — велъ свою „тихую сапу“ подъ эфемерное, искусственное сооруженіе внутренняго мира и всеобщаго единенія сердецъ. Зловѣщая трещина отъ края до края уже пересѣкаетъ его, угрожая полнымъ распадомъ. И такъ огромна, такъ глубока эта работа, что передъ ея результатами въ сомнѣніи и тревогѣ останавливаются всѣ. Глухо, сдавлено, загнано внутрь недовольство народа. Но тѣмъ болѣе огромно оно, чѣмъ меньше ему выхода. Казалось бы, что мелкія, мгновенныя вспышки могли бы лишь уменьшить его величину, сыгравъ роль предохранительнаго клапана, въ который выходитъ избытокъ сгущенныхъ паровъ, угрожающій взрывомъ. И самъ народъ, сами массы какъ будто въ страхѣ останавливаются передъ своими собственными чувствами, передъ своимъ собственнымъ ощущеніемъ невыносимости растущаго съ каждымъ днемъ бремени. Бѣдствія, лишенія, призракъ голода, вызываемый дороговизной жизни, казарменный гнетъ и дисциплина въ „мобилизованной“ промышленности, всевластіе военной диктатуры, конецъ всѣхъ былыхъ экономическихъ завоеваній и всѣхъ, такой дорогой исторической цѣною купленныхъ гражданскихъ свободъ, — а рядомъ съ этимъ поистинѣ скандальныя обогащенія акуль военной промышленности, спекулянтовъ торговаго и финансоваго капитала, со всѣми этими трюками заказовъ и поставокъ, и внутреннихъ займовъ. Что больше и всестороннѣе можетъ минировать почву внутренняго „порядка“ и „общественной безопасности“? Какіе кудесники и заклинатели могутъ зачурать общественный строй отъ потрясеній? Чѣмъ дольше удается имъ сдерживать массы гипнозомъ опасности со стороны фронта, тѣмъ больше накопится горючихъ матеріаловъ и тѣмъ грандіознѣе будетъ міровой пожаръ...

И вотъ почему такъ согласно звучатъ голоса всѣхъ политиковъ и политикановъ, вотъ почему одна передъ другой всѣ партіи надрываются въ призывахъ къ спокойствію и хладнокровію, и вотъ почему такъ боятся они немногихъ

одинокихъ голосовъ, угрожающихъ разрушить гипнозъ. Вотъ почему заговоръ молчанія водворяется, то по безмолвному уговору снизу, то по властному приказу сверху, вокругъ такихъ событій, какъ совѣщаніе въ Циммервальдѣ, и вотъ почему, не позволяя проронить о ней слова, господа положенія въ то же время не рѣшаются раздавить своимъ гнѣвомъ немногихъ смѣльчаковъ, идущихъ противъ всѣхъ повелѣній и приказовъ. Они слишкомъ хорошо понимаютъ, что политическое мученичество только придастъ силы ихъ смѣлому призыву, и, быть можетъ, придвинетъ взрывъ, отъ котораго разлетится въ куски надтреснутое національное единство, тотъ взрывъ, который нужно по крайней мѣрѣ отодвинуть, если ужъ его нельзя заворожить...

Медленно, но вѣрно совершается скрытая, молекулярная работа, которая всегда въ исторіи предшествуетъ большимъ внѣшнимъ потрясеніямъ. Нужно быть слѣпымъ, чтобы ея не видѣть. И потому нѣтъ въ нашей душѣ болѣе мѣста сосредоточенному, напряженному героизму отчаянія.

Но кромѣ героизма свѣтлой, розовой вѣры и героизма мрачнаго, темнаго отчаянія есть еще третій видъ героизма. Это героизмъ назрѣвшей, трезвой, глядящей поверхъ всѣхъ трудностей убѣжденности. Это—мужество, истекающее изъ сознанія неизбывнаго, неотвратимаго, навязаннаго исторіей долга. Оно чуждается иллюзій и не боится трудностей. Оно принимаетъ ихъ, ибо знаетъ, что другого пути нѣтъ для того, кто не хочетъ оказаться внѣ событій, праднымъ зрителемъ бельэтажа, или еще хуже — тяжкою гирей, ядромъ каторжника, которое приходиться влачить на своихъ ногахъ выходящему сквозь тѣснины на столбовую дорогу исторіи народу. Это мужество убѣжденности не ослѣпляетъ своихъ носителей перспективами легкой побѣды, — но за то оно хранитъ ихъ отъ слишкомъ быстрыхъ разочарованій и переходовъ отъ вѣры—къ безвѣрію. Въ немъ—твердая нравственная броня, съ которою можно смѣло идти черезъ всѣ временныя неудачи и частичныя пораженія — къ конечной побѣдѣ!

И жаль, безконечно и безнадежно жаль тѣхъ, въ чьей душѣ, какъ въ спаленной зноемъ почвѣ, не даютъ свѣжаго, зеленаго ростка сѣмена этого мужественнаго, оплодотвореннаго убѣжденіемъ чувства!

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	Стр.
Великій расколъ	3
Два теченія	7
Война и контръ-революція	12
Третья сила	17
Отъ органическаго періода къ критическому	20
Лозунги момента.	
I. Пацифизмъ и соціализмъ	25
II. Нашъ тактическій лозунгъ	28
Къ обоснованію нашего лозунга	31
Кому начать?	40
Императивы морали и императивы жизни	47
Три мужества	56